

а.величанский

БЕЗДОННЫЙ ЧЕЛН

1982-1983

а.величанский

БЕЗДОННЫЙ ЧЕЛН

Москва

Издательство “Прометей”
МГПИ им. В.И. Ленина

1990

ББК 84.Р7-5
В27

Издание осуществлено за счет средств автора

Величанский А.Л.

В 27 Бездонный челн. Стихи. М.: Прометей, 1990.—127 с.

ББК 84.Р7-5

4702010202 – 302

В ————— без объявл.
183(2) – 90

ISBN 5-7042-0219-5

© Александр Леонидович
Величанский, 1990

РОССТАНЬ

(антистилизации)

1979-1980

*"Хороша наша неволя,
Да кто знает про нсе?"*

*Соболевский, "Великорусские
народные песни", Т. 6, № 530*

1.

•

У того ли у белого камушка
уж как нет ни корня, ни горюшка.
А где горя нет - нет и участи,
а где корня нет - нет и отчества.
Провещал ли ворон черный камню белому,
камню белому, перекатному:
"Кабы было в тебе горе горькое,
уж пустил бы ты злое кореньице!"

•

Отворись, водица ключевая!
Отворю тя ключиком студеным -
разлелейся, светлая водица,
ты теки, да в руки не давайся -
ты от грязей черных утаися,
от песков от смутных уютися,
ты теки, белá, по белу свету
уж как добрым людям на испитье,
небесам земным на погляденье.

•

Прояснись, очнись, светлá река,
ты - кому питьё, кому черпанье,
корабелыщикам - широк-ровен путь,
девкам - зеркальце неразбивное.
Позади тебя - глубока земля,

впереди тебя - солонó море:
ты течешь, река, ко синю морю,
как душа, свековав, ко Господу.

•

Раздавалась ночка черная,
пропускала зорьку белую,
выводила зорька белая
наперед свои снега белы́.
Раздавался большой колокол,
выводил на площадь черный люд,
выводили перед черный люд
протопопа окаянного.
Он ругал народ ругательски,
он молился Богу истово,
уж горел он, Божий праведник,
уж горел, как свечка Божия -
та ли свечка воску ярого,
та ли свечка воску веще́го.

•

Избывала мать сына своего,
уж ссылала со двора его долой
сопознать чужу сторонушку.
Спустя брата на десятый год,
стали брата три сестры его искать -
во чащобе зверем - бо́льшая,
щукой в реченьке - середняя,
звездой на́ небе - мизинная.
Уж как бо́льшая нашла его сестра
во чащобушке убитого.
Как середняя нашла его сестра
во бысто́рой реке пото́плена.
А мизинная нашла его сестра
во раю ли том у Господа -
во зеленом во садочке ли,
под кусточком под раки́товым.

•

Как у речки наливные берега.
У ми́лoва - кудревата голова.
Льется речка - вспять не вывернет,
вьются кудри - поворачивают
со дорожки со проторенной
к моему ль крыльцу косящату.

•

Улетали гуси со святой со Рѹси.
Уходили усы со святой со Русі.
Уходили усы-бороды
на все три-четыре стороны.
Уплывали кудри буйные
уж за те ль моря за бурные.
На кого без гусей охотиться?
На кого без усов надеяться?
Без кудрей - кому поклониться?

•

Уж как станет весна становиться,
возвернутся отлетные птахи
изо раю, из Царствія Небесна -
во том рае, во Царствіи Небесном
голода-бесхлебицы не вемо.
Занесут возвратные птахи
нам от той от сытости от райской
хоть какие остатные крохи -
всяка птица по зѣрнышку ржаному -
то-то будет посвисту да крику,
то-то крыл веселого пурху.

•

Уж как младость-то речиста,
примені ручью весенню,
ручѣчку ль первопутку
во беспутице измертвой.
Ручью лопота довольно -
лету снега не достало.
Младой речи слов довольно -
слову молодости мало.

•

Пришла зима зимовати,
зимовати, залегати -
млады снеги просыпáлись,
просыпались, залежали,
залежали беспросы́пно,
беспросы́пно, безоглядно
как по века окаёму
до весны до окаянной.

•

Снега разливались
синею водою.
Разливались годы
по-край бела света.
Свял огонь румяный,
свился дым кудрявый -
на зорьке румяной
ноне сад кудрявый.
Как бывают вёсны,
так и мы бываем,
как проходят зимы,
так и мы проходим.

•

В Божий час, в Господне время
как наплет Господь насланье -
что нам грядый гром ни грянет,
ворон что ни проязычит,
что орел нам ни пробрлит -
глухо наше беспечалье,
как в глухом лесу колода:
несмышленные не смыслят,
а смышленные - не верят.

•

Бог судья тебе, сине море.
Бог судья тебе, черн корабль.
Бог судья тебе, поднят якорь.
Бог судья тебе, ставлен парус.
Бог судья тебе, даль морская.
Бог судья тебе, воля людская.
Бог судья тебе, корабельщик:
перед Богом, как перед бурей.

2.

•

Отчего без горя камень бел-горюч?
он без горя, без кручины, без корёния,
как в дикой степи трава перекатная?
Не пустить ему корня горького,
сладких веточек не выпрастать -
бесталанно лежать ему камушку,
словно скласть ли на нем головушку.

•

Как у красна лета
просит синь-русалка,

просит синь-русалка
себе бел-рубahi.

Для чего русалке
надобна рубаха? —

надобна рубаха
от людского страха,

от людского страха,
от людского взора -

от людского взора
ей рекi, озера,

велики озера
да речная тина,

да речная тина,
да в озерах тихо.

•

Дороженька торным-торна
от поездочек она.
А ноченька темным-темна
от того ли от позднi.
А звездочка синим-синя
от небесного огня.
А думушка горьким-горька

от синего уголька -
от того ли дыму-чаду
сокручинного.

•

Чем молодчик не утешен
посреди плечей могучих,
на ногах своих на резвых,
с силушкой во ручках белых,
со воочием во взоре,
на устах со словом внятным? -
не душа ли его душит?
не умок ли умыкает?

•

Не от ноченьки черная,
не от дёнька Господнего,
не от месяца синего,
не от солнышка красного -
чернь чернеется черная,
бель белеется белая,
синь синеется синяя,
крась красеется красная.

Чернь чернеется черная:
уходил добрый молодец,
бель белеется белая:
уходил по белым снегам,
синь синеется синяя:
уходил за синё морё,
крась красеется красная -
споиискать доли-участи.

•

- Отчего ты, река, водой водна?
- Что от тех ли холодных ключиков.

- Отчего ты, тюрьма, людьми людна?
- Что от тех ли немецких замочиков.

•

Травушка-отравушка -
злобный корешок.
Как травила девушка

друга в четверток.
А завтра в пятницу
помер мой дружок:
то-то бают - пятница -
не талань денёк.

Выйдет красно солнце -
ночку не вспомянет.
Уедет молодчик -
ночку не воротишь.

Едва росы пали -
стали росы сохнуть.
Не успела вспомнить,
стал мил забываться.

Уж долгá ты, память -
забытьё подоле -
знать, ты, мил, уехал
подале любви.

Молодѣц удал
с вина зѣлена,
с думой черной ли -
красну девку бил
по белú лицу
да по синь глазам -
серый селезень
серу утушку -
да и прервал на ней
платье цвѣтное.

- Что же вы, пьяни,
кабацкие голи,
всѣ-то вы пьете,
в кабак несете -
свое обличье
с себя пропíли -
одну лишь водку
никак не пропьете.

- Тако нам горе -
кабацким голям -

кабацким пьяням -
по смерть гуляем:
голи не умеют
горе горевати,
голи не умеют
тоску тосковати.

В Полувецкой земле
полувеки живут:
по полу́-веку живут -
с полу-века мрут -
отдают други пол-века
своим комоням,
а и комони - пол-века -
дикой степи:
уж и скор дикой путь
под комонем,
уж и скор легкий комонь
под полевцем -
под тем легким, полувечным,
полувецким.

Из чего, кукушка,
ты кукуешь
весною сладкой
на осине горькой? -
всем ты накукуешь
много лета,
себе накукуешь
одну зиму.

3.

Катится катучий камушек.
Падает падучий дождичек.
Всклянь течет текуча реченька
во свое ли во синё море:
а сине море на волнах стоит,
а добры люди на своем стоят.

Всяко тело - на костях стоит.
Всяка душенька - на воздухах.
Всяко дело - на грехе стоит.
Всяка дума - на песке стоит.
Всяка церковь - на крови стоит.
Всякий вор - на белом камушке.

Как сошлись похвала с ругательством -
о святой, о Руси заспорили.
Уж хула хулит, ровно лес валит,
а хвала хвалит, ровно щепь летит.
Та ль хула-то хулит со укорю,
а хвала-то хвалит со угрозою.
Ан Руси их пря - что собачий брех,
ей самой отвек по́век ведомо:
похвалою Русь не поставится,
а с хулы ее пуще смех берет.

Как зимою Русь белá,
а весною свята -
дай нам, Господи, дожить
до сытного лета,
уж до лета, до страды,
до осенняя воды,
до грязей, до слякотей -
в осень Русь превсякая.

•

Бог еси на небеси - всяк в заботе на Руси:
богомольцы Богу молятся,
горемыки горе мыкают,
тугодумы туго думают,
краснобаи красных девок ймут,
а чистоплюи-то поплевывают,
толстосумы в деньгах рядятся,
пустомели бел-камень едят,
кровопийцы руманею пьют,
казнокрады всё казну крадут,
а побратимы, знай, братаются.

•

Наша дума крёпка -
как стыдлива девка:
глазки опускает -
подол подымает,
глазки подымает -
подол опускает.
Глазки загляделись -
подол не поднять.
Подол завернулся -
глазок не поднять.

•

Как на чуждой на сторонке
красно солнышко не всходит,
а и всходит, то не светит,
а и светит, то не греет,
а и греет, то не преет,
а и преет - не растет.

Как на рódной на сторонке
красно солнышко восходит,
а взошедши, ярко светит,
посветивши, жарко греет,
а погrevши, горько преет,
а сопреvши - не гниет!

•

Не взлюблю я друга первого,
не взлюблю я друга дрúгого,
не взлюблю я друга третьего -
возлюблю я тридевятого:

уж того ли тридевятого,
уж того ли любомилого,
уж того ли златасребряна,
уж того ли скатножемчужна -
за походочку за частую.

Из-за девок, из-за баб
распотапился Потап,
пригорюнился Григорий,
усемёнился Семен,
извасилилися Василий,
напетрился на Петра,
с Николаем до утра
николается.

Парню - ночка,
утрь - девóчке,
девке - завтра,
парню - нонь,
парню - санки,
девке - жданки,
девке - парень,
парню - конь.

Парню - пава,
девке - слава,
девке - слезы,
парню - смех,
парню - чара,
девке - чадо,
девке - старость,
парню-смерть.

Алешенька-доброхот
любит время, любит год -
только кувырк-траву мнет,
возвращается.
Алексею я ему
посулю острог-тюрьму,
острог-тюрьму-тёмницу -
надождет, натерпится.

•

Спородилась - не очнулася,
а и росла я - не перечила,
была людям я пословная,
Богу-Господу повинная,
находилась я узёхонько,
намолилась я низёхонько,
натерпелась я до обвыка,
натрудилась я до роздыха -
до того ли страха-роздыха -
до спорядных смерёгушки.

•

Не на месте береза вырастала -
во чистом поле на безлюдье -
уж никто к березе не сподойдет,
по белу телу никто не огладит,
льстивых слов никто не умолвит,
отчим деревцем никто не покличет,
никто корня ее белого не стопчет,
прутья-ветья никто не заломает.
Не ко времени детина зарождался -
среди людей он, детина, на безлюдье:
лихолетье их ему не по лиху,
уж и речь их людская не по слуху,
уж и страх их Господень не по страху -
ни к кому он, детина, не сподойдет,
никого по белу телу не огладит,
никому слова льстивого не молвит,
никого в мать сыру землю не втопчет.

•

Уж ты, полна полнь,
не страшишь пустá,
а ты, Масляница,
не страшишь Поста.
Уж мы братинку
допьем до дна,
уж мы Маслянку дотянем
до Велика дня –
до Велика дня Господнего,
до Велика дня последнего*.

* Великий день - Пасха.

•

•

Ты, победушка моя -
серебряные края,
донце позлаченное,
как звезда скаченная.
Пей до дна
да увидь добра:
уж беда-то
ярче злата,
чище серебра.

•

Спасу нет от зеленá вина,
сладу нет со сладкой водочкой,
спросу нет с медов беспросыпных,
пени нет на пиво пенное:
как веселье тóлится за зáбытье,
а уж зáбытье таится за похмельице,
а завтра на похмельице и ли́ца нет -
нет лица у молодца́ ответ держать.

•

Ради красного денька
пропьет рыба рыбака,
попадья пропьет попа,
старуха – старика,
корова – телка,
а бык – рога,
избу – друга,
а уж реченька пропьет
оба берега.

•

Не гневитесь, гости званые,
гости званые, сыто-пьяные -
уж как был бы рóдный батюшка
завсегда на свете в живности -
уж не те б столы наставлены
не тем было еством-пíтьицем,
не за ту скатерть насажена
уж не та и голь застольная.

•

Удова моя, удова,
не сносить мне голова,
голова ль моя буйна́
на царева на война,
война-воеваньице -
жёнкам завдованьице,
деткам сиротеньице,
девкам - загляденьице.

•

Как стал мой страх
на семи верстах -
куда ни глядь -
все стоит позадь:
без обличья-лица
ухмыляется.

Ты ль, страх, мой страх,
полезай в застрех,
за печьми мышй,
крышу-кровлю мши -
ни кой, ни чей -
подколодничай.

•

Ты забудься, белый день,
ты забудься делом ли,
делом ли, забавою
до забытья светлого.
Ты дознайся, ноченька,
ты дознайся тёмного,
а дознавшись тёмного,
дню пусту́ не сказывай.

•

Не гонися за два зайца -
оба зайца не споймаешь,
оба зайца не споймаешь -
только ноженьки истопчешь.
Уж как первый будет заяц -
это любушка твоя,
а и дру́гий будет заяц -
это матушка с отцом.

•

Лебеда-лебёдушка -
в огороде.
Кулик-куличек -
на болоте.
Камыш-камушек -
по-край речки.
Гуси-гусельки -
по край неба.

•

Под волной - вода,
под водою - глыбь до дна.
А во той во глыбѣ -
рыбки-голуби:
машут крылышками
свежи рыбоньки -
пишут пёрышками
мелко-глыбонько.

•

Кричит петел
выше ветел.
Молчит рыбка
глубже глыбка.
А под речью,
как под речкой -
кривые русалки -
кривотолки.

•

Уж как б́ояра, б́ояра, боя́ре
подъезжали ко городу, ко граду,
на каméнь ли, на ка́мень становились -
любо-дорого градом любовались.

Не пали ты камушка -
в камне огня нет.
Не коли ты камушка -
в камне ядра нет.
Не горчи ты камушка -
в камне горя нет.
Не сади ты камушка -
в камне корня нет.
Ты не строй по камушку -
в нем зачину нет.
Ты не рушь по камушку -
в нем исходу нет.
Есть во белом камушке
одна люта твердь,
под горячим камушком -
да безлюдна смерть.

В земле греческой есть горы те толкучие:
знай толкутся - гора об гору толочатся -
сотолкнутся, растолкнутся, вновь сотолкнутся -
пыль столбом стоит без толку с этой сутолки.
Похотел ли кто промеж тех гор проехати
аль - того мудрей - пройги меж них пехотою,
а, схотевши, меж толкучих гор замешкался -
уж тому коня не нукать - по́ век спеху нет.

Глядит зима дальше глазу
скрозь дремучего морозу -
не видать ли в поле палом,
не видать ли в лесе стылом
души пешей перехожей,
души прыткой, перелетной -
уж какой ни есть, а теплой -
было б где зиме согреться -
извести тепло до лиха -
уж до снегового праха.

•

Как во русском аде
нету огня-пекла -
знать, допéклось пекло
уж до снегу-пепла,
огнь допóлыхался
уж до той ли стужи
лютой, безответной
стужи забудúщей.

•

Взяли голи
чужой доли,
доли-участи
таланной:
огнь палили,
крови лили,
Божьей веры
огнь топтали.
Дали голям
ровну меру
бездорожной
зёмной пыли -
знать, кого
не обездолишь,
своей доли
не избудешь.

•

Нам глаза даны,
чтоб потúпиться.
Нам уста даны,
чтоб покрívиться.
Нам душа дана,
чтоб сгасить ее.
Голова дана,
чтоб сносить ее.
Носи голову,
да не складывай,
терпи - горе ли? -
да не сказывай.

•

То не белы руки притрудились,
то не стать-спина присогнулась,

не могучи плечи источились,
в зень не резвы ноги пристоялись -
увядает кровь руда со казенного труда,
с безоглядной казенной работушки.

•

Как у нас на Руси
смолкли щуки-караси,
смолкли окуни-язи,
призамолкнули лещи -
без сетей тащи -
бают речи в нашей речке
лишь подлещики.

•

Как во царствах - цари,
Во Литвах - короли.
А и насели на Руси
два поганные врази -
один Калин-царь,
другой Малин-царь -
был бы - третьего царя
и как звать не знай.
Уж от Калина-царя -
огнь калиновый,
а от Малина-царя -
дым малиновый:
им едино-лебедино -
что калина, что малина:
гибнет правда-старина -
вся кáлина-мáлина!

•

Уж как очи обесслезили
суше ветра суше вихоря,
суше той травы-отравушки,
что тобой под корень скошена,
что тобой под корень скошена -
во сголовье мне положена,
во белы ноженьки складена.

•

Самоцветный камéнь разгорается -
уж печет ровно жар во очах твоих,

ровно месяц печет во безвечьи он,
во безвечьи ль пекут часты звездочки.
Жарко ль звездочкам печь во поднёбесье?
Жарко ль печь во поднёбесье месяцу?
Жарко ль камню гореть самоцветному? -
жар горит - самому камню холодно.

•

Ни отца с того света, ни матушки,
ни гонца с того света, ни выходца,
ни письма с того света, ни грамотки,
ни словесного нам челобитьеца.
А и было б письмо стогосветное -
мы читать-то не знаем грамоте,
писарям снести - у нас веры нет:
писаря - богохульцы, пьяницы.

•

Дождались мы дива,
дива-дивованья:
вспять потékли реки,
всплыли синь-каменья,
пóлымя-то мокро,
половодье сухо,
ночью пéчет солнце,
дёнком - тьма темнична,
вода вверх потékла,
дитё вниз зарóсло,
петухами куры
на заре запели,
жена свою ладу
витой плетью била,
невестка свекрову
со двора сгоняла,
Рождества сначала
Мясляница стала,
Масляница баска -
след за нею Пасха.
А и всей-то страсти
на Великий Пост:
поросенок к Пасхе
яичко снес.

•

Как злодеи
злы на деле,

на том деле
на злодейском.
Доброхоты
токмо х́отят
одного свово
хотенья.

Во всех землях всё по зёмну -
всё в Русее - по небесну:
в небе - солнце, в Руси - солнце,
в небе - месяц, в Руси - месяц,
в небе - звезды, в Руси - избы,
в небе - тучи, в Руси - вечер:
то-то диво русским людям,
то-то диво русским птицам,
то-то диво русским звёрям,
то-то диво русским гадам!

Как у солнца белá -
зорька алая,
как у неба синя́ -
ночка черная,
как у синей воды -
пена белая,
так у добрых людей -
зло раскаянье.

Как восплакал сатана-диавол:
"То-то слушаю я ангельского пенья,
ан во том во поднебесном пенье
голоса бывалого не слышу.
То-то гляну по-на свод небесный -
на летящи херувимы, серафимы,
ан промеж архангелов и ангел
крылышков своих не насчитаю.
То-то гляну на престол Господень,
что на все предстатели святы,
ан промеж предстательства святого
сатаны-диавола не узрю".

Божья милость - как волна морска:
она топит, она вынесет,

всё бежит волной ко берегу,
а откатит - не воротится.
Не пытай ты волну середь моря,
а пытай свою волю дольную.

Волна волне отобьется,
ветер ветру ответится,
камень камню откатится,
мера мере отмерится,
воля воле отволится -
суд-судьба установится.

Из праха нас сотворяя,
двоил нас Господь от века:
придал Адамию Еву -
единую плоть удвоил.
По образу и подобию
Господним рабам он придал
по две ли по ноги резвых,
по две ли по руки белых,
дал виденье нам двоюко,
дал слышанье нам двуушно,
речь-говорь придал сугубу,
дыханьице дал двуноздро.
Ко этому ли двоенью
придал Он живот единый,
единую душу придал,
завещал едину веру.
Который в душе единой
единую веру обрел,
Господь тому даст спасенье
единое на потребу.
Кто — раб — не обрящет веры,
аль, обрета, потеряет,
тому от едина Бога
даются навек две воли:
одна из тех волей добра,
а другая - своевольна.
Нет страсти на свете велей
того ль двоеволья люта.
Допрежь как смола геенна
в единую боль их слипнет,
еще на веку на живом
разымут раба две воли,
как Игоря-князя ране
разорвали две березки,
как жен заблудящих рвали
двумя конями резвыми.

5.

Чем же бел белый камушек? -
той горючестью белой.
Чем же чисто чисто поле? -
тою удалю смелой.
Чем же сыр сыр-матерый дуб? -
мать сырою землею.
Чем сыра мать сыра земля? -
гибелью удалю.

Матушка пресветла стужа,
отпусти меня досужа -
нет тепла во теле столько,
тьмы да мякоти - стерпети
белоты твоей да тверди,
той ли тверди безвременной.

Как из лесу - тропиночка,
а из полюшка - ископытъ,
из синя моря - реченька,
из поднёбесья - звездочка -
так пути нет из времени,
нет возврата из синего.

Во том ли во чистом поле,
во той ли во частой чаще,
во погребѣ ли глубоком,
во саде ли, в огороде,
у речки ли в желт песочке,
на росгани ль край дороги -
зарыт на Руси на святой,
богат велик клад глубокий.
А кто зарыл клад незнамо,
а где зарыл - сам не помнит,
лишь ведомо всем, что злато
не тратится в нем, не гинет.
Снесем тебе, брат названный,
снесем тебе, брат крестовый,

в горсти той земли родимой,
где клад этот где-то складен.

От реки ли той от Калки
до Куликова ли поля
не идут, не переходят
те ли калики лихие -
они лика не ликуют
с ангелами, со архангел,
суд свой каличий не судят
над виною человечьей,
не поют стихов елѣнских,
не поют ни псалм, ни кантов
на латынском, на поганом
на безбожным наречьи.

Отольется лето
в речке синь водой.
Принальется осень
дождичком частым.
Об то время листья
отлетают в зень.
Об то время птицы
отлетают в рай.
Раю! раю! птицы,
полетайте в рай -
к Небесной Царице,
к Господу Христу:
уж добра земляца
летнею порой -
Небесна Царица
и того добрей.

Как во день поминовения
посреди весны окрестныя,
посойдемся да помянем мы
твою душу отдаленную
бел-горючей сладкой водочкой,
бел-рассыпчатым калачиком.
А поверх могилы отческой
мы рассыплем зѣрно-крошево
как для тех для птиц для праведниц
в небе Бога долетающих -

знамо, наша память зѣмная
во сыру землѹ хоронится,
а уж птицы до небес снесут
о тебе поминовение.

Ты не сей моих глаз -
они не выглянут.
Ты не сей моих уст -
они не вымолвят.
Ты не сей мой след -
след не воротится.
А наместо глаз
слепота взойдет,
а наместо уст
немота взойдет,
а наместо следа -
даль бесследная.

Прежде век породнились
белый свет с ночкой черною,
прежде век обернулося
время сроком и мерою:
в день - по красному солнышку,
в ночь - по ясному месяцу,
в век - по буйной головушке,
а в извечность - по душеньке.

Во войну ль, в напасть
бел-душе пропасть.
Зачернеет беда -
не прояснит добела -
обернется ли
ал-погибелью,
обернется ли
сер-спасением.

Кабы сбылись все проклятыица людские,
кабы все отмщеньица отмстились,
стал бы белый свет - едина пустынь -
чисто поле, частый лес пречистый -

ан в пустыне той бесчеловечной
не нашлось бы грешника спастись.

•

Богородица-дэвица,
мать сыра земля заступница,
попустила ты, мать земля,
в белый свет муку лютую:
уж не страхом она страшна,
уж не мукою мучительна -
с той ли муки Господь терял
образ свой человеческий.

•

Как травую обернется люто полымя,
жгучи искорки - цветками лазурьёвыми,
жарки уголья - все яхонтами-ка́мнями,
смолы огненны - медами настоящими -
об то время обернется боль терпением,
об то время обернется мука святостью.

•

Сила - мера, сила - правда богатырска.
А и корень у той силы - кровь людская:
шибко кровушка в сырую землю льется,
в мать сырой земле накрёпко коренится:
из земли той крови с корнем не повырвать,
как не вырвать с лютым корнем тяги зёмной.

•

Как и всяка речка льется своим следом,
всякий зверь лесной он рыщет своей тропкой,
всяка птица держит путь свой перелетный,
так и всяка речь течет своею кровью.
Коль скудеет кровь - и речь в ней убывает.
Пролилася кровь - речь каплет пословечно:
истекает с ней говоряшка людская,
истекает с кровью той и Слово Божье.
Со той скудости, с того ли кроволитья,
коли кровь до немоты обезьязычит -
всякий лей ее без имени и меры:
вопиет людская кровь - да нет отзыва.

•

Знать, случится верное скончанье
вековечности и одночасью -
широте широкой обуженье,
долинé далекой обрыванье -
сколько мне, веревочке, не виться,
сколько мне, веревке не вертеться,
сколько мне, плачевной, не клубиться,
в петелки, во память-узелочки.

•

Как на расстани на Божьей
у Господнего предела
не хотела душа с телом -
птица с гнёздом - расставаться:
расставаньице не на́ год,
не на век - на всю извечность -
то-то жалко, то-то трудно,
то-то зябко, то-то стыдно.

ВДРУГ ДА НЕВНЯТНЫЕ СЛОВА

Баско – красиво, нарядно.

Братина – сосуд для пива.

Вемо - ведомо.

Еленский – эллинский.

Зень – земля.

Ископыт – земля, грязь, снег из-под копыт.

Комонь - конь.

Косящатый – с косяком.

Кувырк-трав – фонетические руины ковыль-травы.

Ладо – первоначально муж (супруг).

Мизинный - маленький, младший.

Нонь – нынче.

Печь – светить (-ся).

Победа – беда, горе.

Разлелеяться – разлиться.

Руда - кровь, в качестве краткой формы
от "рудая" – ярко-красная.

Руманя - ром.

Талан (талань) – счастье, удача, судьба.

Черн (корабль) – от первоначального "червлен", т.е.
крашен в красный цвет. Пример складывания
новой этимологии на месте забытого значения см. в стихотворении
"В Полувецкой земле...", где речь идет,
разумеется, о позабытых половцах.

Ярый (воск) – чистый, прозрачный.

ОХОТА НА ЭХО

эпиграммы

1980-1981

Лорд Дерби, переложивший Илиаду английским "героическим" ямбом, относился к гекзаметру, как к вполне колониальному товару - дикарски пряному, классически языческому (гекзаметр "противен гению нашего языка", попытки ангажировать его ведут к нарушению всех законов просодии и проч.). У этой спеси, как и у всякой спеси, подоплека проста: священные напевы не по зубам английской моносиллабике. Великой англоязычной просодии, веками обходившей подводные камни спондеев, конечно же, это обидно. К счастью, даже не преувеличивая значения греческих корней нашей языковой культуры, можно с уверенностью утверждать, что "Гнев, богиня..." звучит на русском не менее естественно, чем "Мой дядя...". Так что задним числом в нижеследующей книге меня удивлял не метр, а собственно интерес к эпиграмме. И вот что я, конечно же постфактум, надумал: форма классической эпиграммы сама по себе - отчаяннейший парадокс: напевный метр, которому по природе потребно огромное эпическое пространство, загнан в тупик лапидарного предпочтительно двусишия; огромная волна эпического напева разбивается о скалу немой и краткой надписи и, разбрызгав одну стопу, откатывает обратно внутрь извечного звучания, оставив после себя немой и голословный камень. Возможно, этот парадокс и привлек автора этих строк, всю жизнь выбиравшего между полной бессмыслицей мелодической цезуры и поэзией смысла, где даже цезура семантически перенасыщена.

•
Музыка, ты родилась не подобно Киприде из пены
постепенных морей - не из безмолвия волн -
нет, как Зевесова дочь, из его волосатого уха
грозно возникла в душе во всеоружии вдруг.

•
Пены мхом поросли смехотворно старинные волны.
Мокрой Киприды из них идол выходит на брег:
властен классический стан, грудь горда, в ренессансе осанки
рук барокко, ушных раковин, скорбных бровей...
Боги, ликуйте горé: родилась богиня порока!
Чаши нетленных колен, всласть подносите к устам.

•
Вой, мычанье ли - звук безглагольный, слепой от рожденья -
удивительно: вдруг преображается в смысл.

•
Что же неслыханнее молчанья Господнего - тише!
да замолчите же вы, граждане, ради Христа.

•
Косноязычен огонь. Утробно воды бормотанье.
Сколько бесхитростных тайн мы бы услышали, коль
стало б словами тепло и смыслом исполнилась влага,
но откровения их - лишь наводненье, пожар.

•
Если бы заговорить посмели деревья - корявой,
верно, была бы их речь, словно молчание их.

•

Мера ударная, как красавица или дурнушка:
дай ей звучанья шелков в пору ее долготы
или же краткости, но довольно ль фонетики-пряжи? -
дай ей и чувства подстать, дай ей и смысла сродни.

•

На - с улыбкой прими это яблоко, хоть и нагое,
но непроглядное, как звучных речей наугад.

•

Маки-калмыки, орда панмонгольских алых тюльпанов,
астры бесстрастные и хризантемы азийские, сам
сумрак среди бела дня - серый ирис (едва ли лиловый) -
так сквозь молчания прах вдруг прорастают уста.

•

Спустится наземь с небес птиц-бездельниц крикливая клика
в час, когда утра туман тихо восходит горé.

•

Голосом смуглым, как плоть, окликнула милого дева -
сразу же всеобщий гул ветра ревнивого смолк.

•

Пусть из дальней страны экзотическою контрабандой
чрез океана хребты чудом сюда занесло
семечко черное, но в этой чуждой земле прорастая,
ей лишь обязан собой - почвы исчадьё - цветок.

•

Лай в сведенном лесу слышишь? Это - охота на эхо:
ухарь охотник спустил свору своих крепостных.

•

Лирики ртуть - не река - лишь всплески реки, или даже -
только блики речных зорко сверкающих струй.

•

"Современность", ты миф эфемерный - тебе фимиами
зря курит рифмоплет или философ-профан -
нет на свете тебя: человек современен лишь Богу:
Богу предвечному в миг все современные века.

•

В чрезвычайной стране, в век сознаний и душ геноцида,
целя не в бровь и не в глаз, нас породили отцы.

•

Яблоко так далеко от яблони милой упало,
словно свалилось с небес прямо в дорожную пыль.

•

Ставили, о Израиль, не раз тебя на колени,
ты ж поднимался всегда с дюжины крепких колен.

•

В жизни у каждого есть такое десятилетье -
то не начнется никак, то вдруг оно позади.

•

Жизни хватившись, на миг опомнились влажные люди
и чуть живые цветы мертвому телу несут.

•

Комнаты, а не страны, житель - сверху я вижу державу:
граждане, лужа, плакат, блоки домов, облака.

•

В связной фразе - увы - зреют исподволь метаморфозы,
или бессвязна - увы - или незрела она.

•

Женщину видел я раз (или два?) - много крови народной,
древней крови влилось в этот прекрасный сосуд -
тонкий, бездонный и тех-предвечерних? ночных?-очертаний,
столь загадочных для дальнего зренья огней.

•

Что же невежественней невежества русского? - русский -
узко прорезям глаз - призрачный патриотизм.

•

Вольный простор это - блеф. В нем вольнее всего произволу.
Но и слова в нем вольно сорно на ветер бросать.

•

Есть насаждения, и всё ж - ворона сидит на антенне,
на проводах - воробьи, голубь - на глыбе вождя.

•

Сиро на сорных полях. Растут на вырубках плахи.
Тесен российский простор: яблоку негде упасть.

•

Лично мне не мила эта, что ли, расхлябанность моря,
как пограничной вдали вышки насмешка над ним.

•

Осень пустая, я сквозь твою редкую, краткую ясность
ужас провижу зимы, хоть и ненастен денек.

•

Нежилые леса, за лесами - поля, перелески,
скатертью стелется степь до нагрожденных гор,
безнадёжно пусты окружные моря и пустыни -
сколько же правды уйдет на всероссийскую ложь?

•

Ты, как беда, никогда не приходишь одна, т.е. вместе
вы являетесь вдруг - явственно, сонно ль двоясь.

•

Голое яблоко без покровов своими глазами,
голового яблока плоть видел и я наяву.

•

Ей поцелуй к лицу, и объятьями томно объята,
в полусвете ночном помнит об этом она.

•

Все лиловы сердца. У тебя же - серое сердце,
хоть и в захватанной, но в непревзойденной груди.

•

Холод весною сойдет, как ноготь ушибленный сизый -
где ж причинявшая боль злая его синева?

•

Яблоко - символ молодой бесстыдства и грехопадения -
Ньютону дарит вконец, впрах обветавший Адам.

•

В душу вернувшись свою из расставанья удушья,
снимешь с тесной стены помолодевший портрет,
и обнажится под ним на выжженных светом обоях
свежести прежней узор - враз беспризорен, безлик.

•

Лета гнилого исход. Всё черней, перелетнее птицы.
Глубже день ото дня улицы, выше дома.

•

После смерти само время длится, как волосы, ногти
на покойном... Нагой время невнятно душе.

•

С ними теперь Одиссей. И тени глядят на Энея
без досады седой, зависти ль черной - о, нет:
он вернется еще прозрачным, как вечность. А теням -
им ненавистный, как срам, странно уютен Аид.

•

Штиль, о чем ты молчишь? Тишина огромна. Лишь к шторму
чайки, садясь на песок, друг на друга кричат.

•

Если товарищи, то - по несчастью, коль братья, то - в братских
свальных могилах, а коль граждане - в сыске, в суде.

•

Кольца на близких руках. Случайное дыма колечко.
Средь полуискренних слов, ласк - полумаска лица.

•

Размышленья ночей - негатив легкомыслия дневного:
дня надводная гладь гинула ночи на дно.

•

В каменном городе коль ты однажды бездомно ночуешь,
выбери гулкий подъезд в старых центральных домах
и, что важнее всего, не ложись на ровной площадке -
спи на ступенях самих: тело покой на одной
из ступеней, а та, что ниже, блужданий изножьем
станет, а выше - рукав твой - изголовья ступень.

•

Все кривее верста, и странник высох, как посох -
по суху, как по воде Петр, без веры грядет.

•

Восемь строчек простых о простой человеческой муке -
муке бесстрастной, пустой раз невзначай сочинил
некто, имея в виду конкретный пример равнодушья,
но все друзья его вдруг звуком обиделись... Знак.

•

Долго мы жили, но ты становилась всё недостижимей.
Господи, дай мне души не обделить наш удел.

•

Падший ангел, хоть пал, но глубин не достигнул он ада -
полн нерастраченной, злой тяжестью взор его днесь.

•

Прячет созвучья поэт, подражателей ловких страшится,
если, просчета страшась, сам подражает себе.

•

В юном, как день, языке слова легко и любовно
спариваются - союз рифм естественен в нем.
Но стареет язык - привычны брачные узы
стали созвучьям, скучны...Ветренность речи - верлибр.

•

О, концептуализм! - не брак - ЛЮБОВЬ ПО РАСЧЕТУ.
И по расчету лишь на столь вожделенный успех.

•

Капли слиток блестит столь отдельно и столь драгоценно.
Оземь ударился, пав, стал - сырая земля.

•

Корни деревьев нагих – знатоки разложения и праха -
о небес глубине вовсе не смеют судить.

•

Ты меня не найдешь ни в столице безлюдной, ни в прочих
выморочных городах, в сёл ли застрехах, ниже
среди заснеженных сплошь, очумевших окрестностей - стужа -
в черном, как сажа, лесу, в поле белом, как мышь.

•

Юбку деве задрав, не найдешь ты там дивного дива.
Дивного дива ища, юбку ей не задирай.

•

Не осталось ни пня от рая - его древесину
ест языческий огонь в вечности диком аду.

•

В дружество между друзей и в братство меж братьями верю,
в равенство верю среди равных - хоть нет таковых.

•

Долго, наморщив чело волн, о чем-то думало море -
горе тому, кто пучин думу решится прервать.

•

Память о прошлом бледней с каждым днем - меж нами и про-
шлым
нашим - глухая стена - юных незнание о нем.

•

Солнца лилового луч через стекла оптических капель
за ночь выросшей росы увеличительной – он
в свежих листьях прожог небольшие рваные ранки
ржавые чуть по краям - благополучнейший луч.

•

Всеу оставив богов и обожествив человека,
люди увидели вдруг, сколь отвратителен он.

•

Камень, ты молод, как день, но ведаешь ли, каменея,
сколько сильнее тебя дряблая рыба вода?

•

Камень весел и сыт, но вял и ленив от природы -
страха не знает он и удаль ему ни к чему.

•

Даже крапива расти вокруг домишек остывших устала -
выше некуда. Крыш сгорбилась дранка, и лишь
старожилы-сады еще корчатся в гуще бурьяна:
яблонь старинных кора треснула, вишен и груш
кроны зачахли. Вдали, мнится, тоже пожухло, зачахло
небо, лежащее на похолодевших холмах.

•

Птицей из клетки золотой вырвется жизнь из младенца,
ибо мощней, чем дитя, жизнь в нем самом и извне.

•

Много личин лицедей примерял на сумрачной сцене,
и под маской гримас сделался сам он безлик:
не улыбнуться, не взять да нахмуриться - чист перед кистью
холст, бумага чиста перед бесстрастным пером.

•

Ночь, мы скатались в себя, как комочки на войлоке грубом.
Мы - тот же войлок, но нас можно смахнуть с него прочь.

•

Вживе нам внятно: душа может жить и вне утлого тела.
Боже, но вдруг лишь до тех пор, пока тело живет?

•

Более библиотек я чистилища не посещаю,
ибо не чувствую днесь сладкого запаха книг -
как он прежде пьянил нас - не воспоминанье - надежда
грезилась нам в желтизне истлевавших страниц.
Ну а нынче лишь текст очевиден мне. Буквы не пахнут.
Книжных надежд аромат не томит меня, нет -
иже познах и без книг: упование иль безнадежность,
таинство истины ли - всяк постигает в себе.

•

Бел младенец, как пух. И юноша смугл, словно гальяка.
Старец розов и сер, как облака на заре.

•

В космосе - ха́ос. Комет летают какие-то камни.
Дикий доныне тунгус верует в метеорит.

•

Моря свод, свод небес, радуг, храмов ли дивные своды -
сводчата вечность, но без столь привычных опор.

•

Литеры древних молитв, как дорог полустертые камни,
как под ногами в церквах стертый чугунный узор:
тысячи сгинувших уст - всеу, истово ли - изгибались -
целое море страстей - сих глаголов волной.

•

Двум народам сродни, я хотел воплотить их несходство -
корни мои напитаи их родниковая кровь!

•

Вечностью ли отдаст сновидений дикая точность?
С вечностью ль соотнесен этот воистину край,
где забвения нет, где усопшие явственно живы,
где нашей памяти миг жалкий ненужен и лжив?
Не оттого ль наши сны забываем мы молниеносно,
что из вечности в жизнь связано рвемся из них?

•

Если заимствовал бог у смертных их облик на время,
чтобы герою предстать с речью внушительной - тот
смертный, чье в дело пошло столь тесное богу обличье
на тот же срок исчезал из своего бытия:
видимый внешне друзьям-ратоборцам, трофейным девицам,
птицам посмертным и псам, не признавал он себя.

•

Милость в пустыне растет, питаюсь влагой глубинной,
но всеяден, как огонь - грешный иль праведный гнев.

•

В ад дорогу мостят бетонными плитами ныне.
Месят плотины бетон, Лету чтоб вспять повернуть.

•

Бег среди сочной травы вдруг гончей собаке приснится -
лапами сонными в такт пес по подстилке стучит.
Запах пригрезится ли, как звезд течение, точный -
жадно собака вдохнет комнатный воздух пустой.

•

"Князем воздушным" не зря христиане в древних молитвах
дьявола звали. И впрямь: воздух - горения князь.

•

Мученик неопалим огня полыханьем поганым.
Хворост безбожный, что рос среди языческих рощ,
он попирает легко стопой на стезе устоявшей,
с влажных Господних небес влажных не сводит очей.

•

Бухты Рафин полукруг мал (Рафины - поселок рыбацкий).
К ночи, коль на море штиль, в небе ж огромна луна,
множество лодок скользит в открытое промыслу море -
факел на каждой - вдали яркою точкою он
тлеет, и с берега, где выдыхают тепло свое камни,
море в созвездьях огней кажется сводом небес.

•

Гневался, плакал, скорбел, тосковал - иже стал человеком
среди убогих людей их безысходности Бог.

ИНВЕРСИИ

1980

*“В моих руках оно подобно будет
Ключу от брошенной шкатулки в море”*

Пушкин

•

То ли дело: среди ночи,
когда неба нет -
очевидны многоточья
звезд или планет.
День, и снова небо тонко,
а за небом там -
что - никто не знает толком
из господ и дам.

•

Гол король от веры в перья,
в мантию... А сброд,
сброд стыдится лишь неверья
своего: грядет
царь в парче!.. Пацан-козявка
вякнул: "Гол король!"
Но царю не стыдно - зябко,
только зябко, голь!

•

Человек, как волк, обложен
небылью своей.
Как клинок, тебя из ножен
я не выну. Лей,
лей любовь, вино, понеже
льется. Но по мне -
ты лишь небылью своей же
стиснута, а не.

•

Мы, как сплетни, пересуды
сообщались, как сосуды -
силой пустоты,
в нас зиявшей - рты,
пальцы, нервов многоточье...
Колбочки часов песочных:
как их не верти, срок один в них - ты.

•

Хоть отъявленную явью,
как стеклом литым,
я и сдавлен, всё же я в ней -
лишь в сосуде джин -
блики пылью вековой
поросли, как мхом...
Что мне явь? - а мне б: на волю
из нее тайком.

•

Сообщилось судно течью
с вечностью пучин.
Но морские волки, те что
знают, что почём -
судно кинули, и, судя
по всему - спаслись.
Терпят бедствие на судне
только стаи крыс.

•

В чем сосудов сообщенье? -
в том ли, что ни коей щелью
не пренебрегла
влага спрехвала?
В том ли, что чекушку, скажем,
мы до дна допьём
и ее наполним нашим
недобытием?

•

Уходите без оглядки!
Состраданья соль,

даже если слезы сладки,
каменеет... Боль
не застынет изваяньем
ваших, что ль, особ -
не имея очертанья,
станет соли столп.

•

Звук, я чист перед тобою,
при моих грехах -
кто нас разольет водою
хоть на вздох и прах?
Безъязыкая музыка,/
что тебя я без? -
атмосферы ль синей зыбка
или мрак небес?

•

Близ холма, что всем известен
как гора Парнас,
я бесхитростных овец и
коз убогих пас.
Крючковатым был мой посох -
им - единый мах -
я ловил ягнят и нес их
в гору на руках.

•

Было как-то ненароком
утро, но не дня.
Провода набрякли током.
Транспорта возня
началась. В кофейной гуще
ощущений, плеч
всяк душе своей грядущей
двигался навстречь.

•

Зренье видит всё заранее.
Вкуса уксус лишь -
блажь. Беспало осязанье -
душ не заголишь.
Высечен из глыбы запах
тлена. Слух оброс

страхом. В порах волосатых -
ухо, горло, нос.

Кладбище желтее птицы
райской. Листопад
среди крестов, оград
пал навеки ниц он.
Выше тишины,
обнаженной Божья страха,
как восставшие из праха,
деревя черны.

Ради боли утоленья,
втаптывая в грязь
грешных нас (в свои творенья),
станут, открестясь,
воспевать решетки, нары
и параш дерьмо -
кто на родине Эдгара,
кто в краю Рамо.

На людское поголовье
погребальной глины комья
падают с небес.
Высь небес их вес
полнит силою ударной -
беспощадной, богоданной...
И глядит толпа,
вздевши черепа.

Выдохся июль. Всё шире
времени уход
между нами. Вот
даже тополя в квартире
не клубится пух,
семенем набухший. Впрочем,
во дворе на лавке склочен
сонм седых старух.

•

Отвлекаясь от бумаги,
ну, хотя б на миг,
скажем, что у нас в продмаге
(прямо в нем) мясник
удавился. Были толки,
отчего и как.
Но никто не смыслил толком
в смерти, в мясниках.

•

Не ночами - утром к чаю
жду ее, вернее чаю
появления: вдруг
вторгнется и рук,
уст моих коснется бурно,
вспыхнет, как смола...
А уйдет... я пуст, как будто
женщина ушла.

•

Не запомнил я, казалось,
цвета этих глаз,
но наутро всё казалось
цвета этих глаз:
в сквере - лиственницы, ели,
девы, дети, спаниели,
блик асфальта ли,
голый дом вдали.

•

Годы сменит вдруг година.
Человек в свой срок
к Богу лепится, как глина,
жаждет, как песок.
Бог на черепки воззрится
с чистой высоты
или на песок - крупы
кварца и слюды.

•

Как сквозь землю провалилось
солнце в море. Свет

стал рассеян, словно вспомнил
что-то. Мчались с дюн
в волны три наяды юных,
тешась прытью ног.
Сколько же им было десять
наших лет назад?

•

Ты ушла из жизни. Да, я
знаю - из моей
(я живьем не погребаю
женщин ли, друзей).
Жутко ладя шутки те же,
плоть, тоску, тщеславье теша,
злая, как молва,
ты еще жива.

•

Воробьи. Скворцы. Вороны.
Голуби с лентой.
Каски из пластмассы. Робы.
Ватники. Лицо
черной "Волги" из. Ухабы
лезут на бугры.
Псы бездомные, Прорабы.
Крысы и воры.

•

Не склониться мне привычно
над загаром безграничным,
не очнуться вдруг
среди уснувших рук.
Жажда обернулась местью:
сух колодец - в нем
родинок твоих созвездья,
не увижу днем.

•

Глухоты лохань
собственную всклян -
чу! - качнула... Но покуда
в мире Бах и Букстехуде
существуют, всё же как-то
можно слышать вдруг

хоть тревожных пиччикато
моцартовский звук.

•

Сторонитесь душ,
тех, что слишком уж
одиноким. Ведь они-то
так и льнут к вам. Что же скрыто
за злосчастливым их
одиночеством - среди пыли
в однокомнатной квартире
где-то между книг.

•

Ночь. Кварталов электрички
вкруг столицы мчат ритмично -
ветер пустырей
гасит поскорей
в мимолетных окнах тени -
паранойя сновидений
до ненастных утр
гонит спящих внутрь.

•

В бурю, в ведро, как младенцев,
к платяицам, к дубленкам - к сердц
прижимая их,
из домов нагих
ключья комнатных собачек
(всех их как-то звать)
вынесут и чуть не плача,
ставят на асфальт.

•

Истеричная беспечность
вечеринок. Чок!
С девочками, из-за плеч нас
зрящими. Дичок
(чок!) с бородкой, словно ключик
от чужих квартир, -
надокучили мне, внучек,
и чума, и пир.

•

Лот в Содоме мимоходом
жил. В тоске на дом,
окруженный пьяным сбродом,
что глядеть? - огнем
он гори! Но движет ею
та же страсть одна:
в любопытстве каменеет
Лотова жена.

•

Сосны в синеве и бельма
облачности глыб.
Несмотря на корабельный,
просмоленный скрип,
покачнувшись, точно пьяный
сушей мореход,
бор стоит, навек отпрянув
от балтийских вод.

•

В душной дюне навзничь лягу.
Как росы ночную влагу,
дюн дневных песок -
лап, когтей и ног
тысячи следов впитал он,
их рассыпал, разметал он,
оттого в песках
днем бесследно так.

•

Оттепель теперь - наслышка.
Стужа: ни гу-гу.
Слесарю, что, выпив лишку,
ночь проспал в снегу,
ампутировали пару
тароватых рук:
"Уж не то слесарить, падло,
нечем выпить, друг!"

•

Рос я при социализме
победившем. Поздно в жизни

я очнулся. Звук
изо всех наук
поздно выбрав понаслышке,
я с тех пор поднесь -
весь - вокзальная одышка:
опоздал... конец.

•

Пропаганды гной ли, бомбы,
ампул ли напалм,
как инверсии в любовных
сопряжениях - нам
столь привычных компанейски -
или негде? или не с кем? -
пухнут города -
или некогда?

•

Облик ли, душа ль из слов, не
проясненных в ней -
человек куда условней,
относительней,
нежли тот язык, на коем
говорят о нем
иногда... но будь покоен -
редко: днем с огнем.

•

А на улице-тихоне -
покупатели,
дети, патрули в законе,
тот же дом вдали,
что и рядом, те же моды
прячут женщин тук...
Даже странно, что погода
изменилась вдруг.

•

Сердце суть насос из мышц и
клапанов и т.
д. - качает кровь и мысли,
коих темноте
удивляться надоело -
МОЗГ НА ВСЁ ГОТОВ.

Лишь душа - сей призрак тела -
состоит из слов.

•

Вопросил приятель в раже
литра на двоих:
"Чья же всё ж страна-пропажа -
наша или их?" -
Их охрана и острастка,
страх, как у ворья.
Наши - страсть и страха ряска.
А страна - ничья.

•

Снег завесил угасанье
дачного денька.
Станцией и небесами
пахло. Вспомни-ка:
сумерки и снег сгущали
ощущение -
будто всё еще в начале,
всё еще вчерне.

•

Но в стране такой ничейной,
чтоб не стать частицей черни,
знаком плюс или знаком минус
похваляясь - здесь, на вынос
ли - в земле ничьей,
чтобы слиться с ней,
путь единый вем:
трудно быть никем.

•

Из сторожки душной мы с ней
вышли в душный мраз.
(Я принес собакам миску
хлебной тюри). Нас
обступила ночь окрестных
пустырей, и ты
сорняки рвала над настом
снежным, как цветы.

•

Не была, а показалась
щек твоих святая впалость,
полыханье глаз -
весь твой экс-экстаз.
Днесь иному жришь экстазу.
Чтением и я ни разу
писем твоих пыл -
зря не охладил.

•

Сгоряча и на крылечко
ночью выйти - вах! -
в небе - звезд! в ущелье - речки
горный грохот - страх! -
воздуха рвануть ноздрею,
и перил дойдя,
выплеснуть вместе с водою
грязною - дитя.

(ЦИТАТА)

О, трепещут ми (мне) ўди
(члены), всеми бо
сотворих вину: очима
(я) взирай, у -
шима слышай (и) языком
злая (я) глаго-
ляй, всего себе геенне
(я) придай - о!

•

Мозг горазд. Душа кривая,
ничего не прозревая,
тлением живет
аминокислот.
Нечего иль поздно ждать, но
мой угрюмый стих
в их глаза глядится жадно
в эти студни их.

•

Речи почву под ногами
шатко обрета,

вечность - памяти комками
чувет ли дитя?
Так не ведал войн ли, розни
волевой финал,
что того, что началось, ни -
кто не начинал.

Непричастность к речи вязкой -
дар. Голосовые связки
не связуют звук
с провещающим вдруг:
так заблещет влагой линий
тело лепестка -
из воды, безмозглой глины,
скудного песка.

За грехи себя карая,
как из познанного рая
(рай был глуп и вял)
сам себя изгнал
лирик - из своих напевов,
и остался в них
беспризорный призрак Евы -
совести двойник.

Грех судить эгоцентриста -
так он богодан:
у него с собою чистый,
истовый роман.
Самотяготенья сила
цельности ли род?
Для горбатого могила -
горб навыворот.

Пепел влас ли, нос ли, брови ль -
чуть полупрозрачный профиль -
месяца топаз
на заре. А фас:
переполнены печально
взглядом очи. От молчанья

чуть припухла рта
точная черта.

•

Смолкла семиструнна лира.
Занавес упал.
Погребение кумира.
Холм цветочный ал.
Средь еще живых несметной
в полутьме толпы -
вспышки магия - как смертной
вспышки пустоты.

•

Крупноблочен монолитный
сахар-рафинад
зданий. Ал желтоблаkitный
меж домов закат,
если не лилов... и если
на него глядеть -
ясно: мы не будем вместе
ни с тобой, ни впредь.

•

Ты бесследнее тех пеших
вод, бесследней чем
тот песок, что так заслежен
неизвестно кем,
ты бесследнее досады ль,
злобы ли, но ад
в том, что ты бесследней самых
сладостных улад.

•

Так из праха в прах - по самый
след свой - в небесах -
шли они и отрясали
с ног подножный прах.
Так из праха в прах - по горло
в собственной крови -
безоглядно, робко, гордо
в прах из праха шли.

•

Над багровой и огромной
баней - небо. В нем -
воронье. Светло и громко.
Ярко-серый дом.
Каплет с кислого сарая
в грунт: в падений нить...
Хочется, не умирая,
до смерти дожить.

•

Праха горсть, часть отчей почвы
(судьбы в ней, следы)
я пошлю тебе по почте
частной - если ты
в пух праотческого грунта
ляжешь, не дай Бог,
бросят пусть тебе на грудь хоть
этот вот комок.

•

Мстиславу Ростроповичу

Средь крыловского оркестра,
где идет борьба за место
и за унисон
(отческий закон) -
лишь одной виолончели
звук извечно чист -
так, как если б вдруг запели
тысячи отчизн.

•

Изваяние из звука,
разве это - ты? -
лишь набросок ног и рук и
прочей наготы.
Все подобья лгут, исход свой
обратив в абсурд.
Не бывает в мире сходства:
бесподобна суть.

•

От стихов и до оконца
подавать рукой -
слишком близко. Холм, что солнце
скрыл вечер собой,
высветлен небес до кромки:
изб, берез на нем
несколько - да столб, да тропки
спуск или подъем.

•

Под серебряною дранкой
кровли (блеск воды),
среди земли, созвездий ранних
над крыльцом, среди
косо поведенных стен и
трав, дерев в окне
с истиною запустенья
жить наедине.

•

Зорька в небе беспризорном.
Безьюдольна даль
разнотравья сорным дерном
зарастает - "Аль
мы не..." и так далье. Блики
ветра на лесах
лиственных. Ростов Великий
за холмом иссяк.

•

Прячется за косогоры
сей простор - в леса.
На водоразделе голом
озирается.
К ночи жметя воровато
на задах у изб.
И претит ему заката
гиперреализм.

•

Криво в горнице и гнило.
Три оконца - глянь.

Телевизора горнило.
Алая герань.
А из красного угла-то,
кружевцем убрán,
Николай-Угодник свято
смотрит на экран.

•

*"Мы теряем лета наши,
как звук" Пс.,89,9*

Средовечие* не душ, а
честной связи той -
душ с телесным их удушьем.
Вяз полуживой:
частью наг он - ветви, почки
высохли в свой срок,
но его связует с почвой
тот же свежий сок.

•

Вы мне на слово не верьте -
верьте мне на звук
иль на отзвук лучше. Ведь я
сам - лишь отзвук. Слух
всколыхнется, как разлука -
отзыв тайных уз -
и заблещут слитки звука,
вспыхнут сгустки уст.

•

Леты мы пойдем по берегу.
Трое нас, считая реку.
Двое, коль не в счет
подоплека вод.
Иль один, коль не считать из
нас с тобой кого.
С бренностью пути считаясь -
вовсе никого.

* Средовечис - середина жизни
от 30 до 40 лет.

•

Чтоб не унижались горы,
надобны горам -
не сравнительные взоры -
пропасти. А там -
холод низок, холод илист,
и слова малы...
До чего же опустились
губ твоих углы.

•

Дуализм любви нагляден:
отчуждений двух -
будто глаз - двух бойких градин -
блеск един... И вдруг,
ты, как в первый миг, чужая,
вновь чужая, как
отчужденные душа и
тело - пух и прах.

•

Произвол окрестных склонов.
Бессловесны вспышки кленов.
И подспудно тих
живописный стык
косогулов и прогалин.
Ворс пространств вдали,
словно юность, неприкаян,
словно старость ли.

•

У пивных ломают руки
старикам их, ай да, внуки,
бьют по синякам
и ведут... к сынкам
в околоток среди алых
кленов... иже в генералах -
синь как высоки -
те же старики.

•

Печь из мела и из сажы.
Кочерга. Ухват.

Мозг горазд. Душа гораже,
хоть мудрей стократ.
Мозг - изба. Душа - в оконце
поле без конца.
...Но гремят дверные кольца,
гнется матица.

•

Над подвыпившею дачей -
звезд далеких лай собачий.
Черная труба.
Яблонь голытьба
вкруг. До заморозков сивых -
сверху ли? из-под?
ледяные рос приливы
лета смертный пот.

•

За окном - холмы, холмы и
вновь - холмы, холмы.
Небо маленькое в мыле
облачности. Тьмы
до явления окольной
из щелей, застрех -
в косяке оконца - хóлмы,
хóлмы, хóлмы...эх!

•

Отрешен от мира толщей
годовых колец,
человек внутри всё тот же -
старый сей корец
той же полной влагой полон,
но не можно ей
расплескаться произволом
влажности своей.

•

Праха ль гной, зерна полон ли -
позабыл росток-паломник.
От ростка побег
вмиг отрекся, вверх
возносясь. Но до побега
ли цветку, хотя поблек и
он во свой черед.
Плод - забвенья плод.

•
И.К.Сафонову

Позади Романов, иже
с ним Борисоглебск.
Фиолетовой, чем ниже
солнце. Сизый блеск
у шоссеейного наката.
Радио со дна
вдруг плеснул концерт двадцатый
(Моцарт. Юдина).

•
Женской преданности стансы,
словно полустанков, станций
замерший на миг
законный блик.
Нам до нас - короче жеста -
час езды едва -
как от преданности женской
до предательства.

•
К ноябрю вода в пруду вдруг
прояснилась и
глянула окрест прозрачней.
Вышли нагишом,
как утопленники, вязы
отражений из.
И листва под ними слиплась
словно веки глаз.

•
Храм он пуст, но пуст, как прах он -
прах не празден, но
в нем лежит с подкожным злагом
влажное зерно.
Прах он пуст, но пуст, как храм он:
праздника страда
отошла с толпой незнамо
как или куда.

•

Так о чем же тосковать,
песни пети - на закате
лета, года, дня?
и кого виня?
Люди вспыхивают, окна,
стопсигналы... Как
хороши деревьев - охра,
умбра и краплак.

•

О клише в мышление или
об иных и тех -
но пока мы говорили,
выпал первый снег
в сумерки свои за шторой
и лежал там день который,
месяц ли, но вот
и который год.

•

Расставаться нам
настает пора. В передней,
словно в первый раз, в последний
мы друг друга на
глянем удивленно через
не порог, а рок... Оделись.
Но идти домой
всякому впервой.

•

Вот с известием ужасным
прибыл вестник, но
не допущен к пировавшим,
коим всё равно.
Вот другой за первым сразу
мчится... Нет конца
здравицам, пока проказа
не придет гонца.

Между тем, сама
не душа - сама природа
наша - за год? за три года? -
изменилась - ба! -
ПЕРЕВОПЛОТИЛИСЬ МЫ ЖЕ!
И душа тоскует, и же
хорошо кому
не в своем доме?

БЕЗДОННЫЙ ЧЕЛН

1981 - 1983

Э.Булатову,
с которым я встретился
в это прощальное время
5.9.1983

•

Трудолюбивых ангелов крыла
помяты и изгвазданы. Их лики
черны от копоти, как черные дела.
Отчетливей на черном пота блики.
Прозрачные эфирные тела
реальней плоти. Молодые длани
опутаны узлами синих вен.
Кистей суставы сбиты. И колен
бугры уродливы. А кудри слиплись. Тлен
уже коснулся душ бесплотной ткани.
В очах потухших - отблески геенн.

•

Непробницаемый
туман падет на город
и долго, долго в нем,
как в проявителе,
всё будет плавать. Что б
ни скрыл туман - дома ли,
деревья ли, людей -
все видят лишь туман.

•

Остались от восстаний -
лишь лозунгов слога,
раскурки от воззваний
да митингов лужга.

Все в стоге, как иголки,
все неясны извне -
езде лежат осколки
лорнетов и пенсне.

И сам народ, обратно,
на Невском, на Тверской
присыпал крови пятна
подсолнечной лузгой.

Плевки да харки. Конский
навоз. Да сена клочок.
Да гильз тупые конусы
скатились в водосток.

Я на опилки хлеба,
безмозглый самогон
меняю перстень, либо
фамильный медальон.

•

В парадов годы пыльные,
портретов впереди,
всех шариков с опилками
и всех "уди-уди",
шаров воздушных - гроздьями
над гроздьями голов
живых - явились в гости мы
в мир мерзостей и слов.

НАТЮРМОРТ

Наставник наш боролся с эстетизмом.
Мы малевали под его эгидой
картофель, что отечественной почвой
обмазан был, как печь; селедку с синим
отливом иль ломоть ржаного хлеба -
чтоб передать его съестную ноздреватость,
мы собирались с нюхом...

"Натюрморт
есть вспышка жизни, - говорил учитель, -
которая на первый взгляд мертва, как
вот эта кружка из ничтожной жести,
но, дети, сколько цвета в ней одной:
в ней вся зима, всё тесное ненастье
осенних дней, всё серебро застоля
изысканного, царского... Да что там! -
всё серебро безвкусного Ватто".
Тут принимались мы за акварели
и с колонковой неуклонной кисти -
роскошный дар китайских рикш и кули -
поспешно сглатывали цвет или оттенок,
чтоб в ту же сырость жизни и бумагу
внести другой и дать смешаться им
естественно...

В застенке тусклом класса
всевластно пахло масляною краской
и растворителем настырным. За окном -
обшиты пышным снегом - театрально
краснели третьяковские хоромы,
очерченные грязной желтизной
Замоскворечья. Как купец, был скуп
декабрьский сумрак по утрам, но все ж он
сгущался в крыши, трубы, колокольни,
в деревья, что росли на кровлях храмов,
и наконец устало разрастался
в непоправимый кистью натюрморт
Москвы пятьдесят первого...

Учитель,
не впрок пошел мне ваш урок предметный -
чугун копченой утвари и глина
всех кринок треснувших, и потоки потеки
на булках с марцепаном, хоть и вкусных,
но приторно бликующих... Вещей
не ощущаю я средь вещей жизни,
а ощущаю, разве, ощущенья
да бьюсь, как в каземате, в тесной мысли,
хотя бы в той - пустой, бездарной, косной,
в которой стыл, как самовар, аморфный
тех лет непроходимый натюрморт.

•

А оттепель и впрямь была
два дня спустя,
но оттепели в марте
естественны, скорей мороз
(он был не розов - сер) -
в день всенародных слез был зол
необычайно – марево
его декабрь (не январь)
напоминало. Нас
из классов выпустили в скорбь,
что скоро отсырела
(каникул не было тогда
весенних) сколько гор
мы обкатали, сколько луж
мы расплескали влажно,
хоть и с неловким торжеством
до траурных торжеств.

•

Что-то общее есть у всех
в выражение лиц, словно бы в лицах
у дебилов или у калек,
или у гомосексуалистов -

что-то общее - вместе иль врозь,
на дому или в учрежденье:
отчужденье всеобщая злость,
бесноватость самоотчужденье.

•

Мрачные, расчетливые дети.
Даже и в семье они внебрачны.
Игры им скучны. Скучна им мира
невидаля. Порок и тот им скучен.
Любят, разве, деньги: йены, лиры,
доллары, гиней и пиастры...
Ласкового смысла не имеет
их младенческое исподлобье.

•

Им не рано с утра.
Им не поздно в ночи.
Ни туда, ни сюда
ты их не волочи -
пусть их лечат мамань,
учат деток уму...
Атеистам и впрямь
помирать ни к чему.

•

Мы – дураки из страны дураков.
Всё потеряли мы, кроме оков.
Под облаками своих потолков
мы обитаем – удел наш таков:
в лес не идем, но боимся волков,
и сквозняков нам мерещатся казни.

•

Что за шум, а драки нет?
Что за шут, а драки нет?
Что за гам, а драки нет?
Что за срам, а драки нет?
Что за стон, а драки нет?
Что за стол, а драки нет?
Был ли шум, коль драки нет,
или драка столь бесшумна.

•

Когда убили одного,
все спрашивали: кто? кого?
когда? с какою целью?
солдат ли? офицер ли?

Когда убили десять лиц,
все вслух позорили убийц,
запомнив благосклонно
убитых поименно.

Когда убили сто персон,
никто не спрашивал имен -
ни жертв, ни убивавших,
а только – наших? ваших?

Когда убили миллион,
все погрузились в смертный сон,
испытывая скуку,
поскольку сон был в руку.

•

Так деревенеют
деревья окрест:
по чьей-то вине,
чьих-то происков чрез -
прекрасный и юный,
дерзая, разя,
в бою обоюдном
падет, как роса.

•

Уж мы резали его -
Андрея Боголюбского.

Крепок, крепок наш Андрей -
мертвый вышел из дверей.

Из дверей он из ворот...
Сохранились петли - вот.

•

Людская кровь, людская кровь,
людская кровь... кровава.
И, как в траве - отраве -
в крови таится рок:
он вас швыряет, как морковь,
налево и направо,
чтоб вы уперлись здраво
в свой роковой мирок.

●

Из леса вышел человек,
он вышел по-людски.
Лежали плеч его поверх
иголки и листки.
Он был непоправимо сед,
непоправимо рус.
И лес глядел ему вослед
насмешливо, боюсь.

Из леса вышел человек
печальный, как ручей.
В карманах, окромя прорех,
ни денег, ни ключей,
ни паспорта, ни адресов,
ни пропуска - на кой? -
он сам был замкнут на засов
улыбочкой такой.

Из леса вышел человек,
веселый... абы как.
В его котомке - смех и грех -
краюха и табак,
бутылка липкого вина
и книжица о том,
как мы из леса, старина,
и снова в лес идем.

BOOTTOMLESS BOAT*

Бездонный челн, бездонный челн
бездонный челн причалит
и к нашим черным берегам,
и строй братоубийц -
все те, кто вовсе ни при чем,
кто знать не знал, не чаял -
сойдут в глубоководный срам
под вопль прибрежных птиц...

* *Bottomless boat* есть некое судно
"без дна", в котором древние шотланд-
цы пускали в открытое море повин-
ных в отце- или братоубийстве.

ПОЛЕТ

(Скука, скука
входит в дом без стука
как в страну войска –
смертная тоска).

В городе Туапсе
были платаны, рейд,
был порт, было море, танкеры
и горы во всей красе.

За городом был холм
и метеосамолет
У-2, “этажерка” фанерная
стоял там испокон

в травах – ни бэ ни мэ –
реликтовый самолет
привязан был, как корова, он
к колышку на холме.

(Скука, скука
входит в дом без стука
как в страну войска –
смертная тоска).

Но в городе Туапсе
почти что испокон
среди населенья летчик жил
как следует жил: как все.

Недаром на войне
Отечественной не раз
его изнутри изранили,
изранили извне.

Таможенником служил
он, глядя во все глаза,
что можно здесь, что можно там -
там можно, а здесь нельзя.

Но службы вышел срок:
на пенсию, как в степь,
вышел бескрылый летчик наш
и зачастил в ларек.

"Пилотам пить нельзя", -
твердил он, захмелев,
и собутыльников разнимал,
милицией грозя.

(Скука, скука,
входит в дом без стука,
как в страну войска -
смертная тоска).

Но как-то под хмельком
он очутился вдруг
среди лодок и кур окраины
и высмотрел этот холм

и этот аэроплан,
и колышек, и в душе
у летчика шевельнулся вдруг
один пятилетний план.

Почувствовал летчик наш
желанье не "полетать",
а что-то, что непреложнее,
чем высший пилотаж.

Хоть чувства его, как медь
в окиси, не ясны -
скорее всего, он испытал
желание УЛЕТЕТЬ

КУДА-НИБУДЬ, а куда
не чувствовал он, поди,
как пгицы - электрический ток -
сядаясь на провода.

(Скука, скука,
входит в дом без стука,
как в страну войска -
смертная тоска).

Взявшись за план с утра,
с метеолетчиком
сошелся в пивной он и рассказал
про юнкеры, мессера.

Был метеолетчик зол
на водку и называл
он "дозаправкой в воздухе"
утренний опохмёл.

Год кореша парят
в портвейна парах, порой
скатывая вдвоем с холма
летательный аппарат.

Но срок наступает, и
таможенный с книжки куш
снял летчик и напоил дружка,
как в день авиации.

Безбрежным был полдня пыл,
и летчик наш, не спеша,
скатил с холма пилота в тенек,
потом самолет скатил.

И вот очутился он
в небе привычном, как
водка, и летчик, захмелев,
отвесил земной поклон

платанам, сухой траве,
терраске своей, ларьку,
цистернам нефтехранилища
и маленькому кафе

портовому. Много гор,
селений, дорог и рощ
увидел вдруг летчик, о коих он
не ведал до сих пор.

И моря увидел гул
огульный, неземной,
без суши неподвижной, и
к морю он повернул.

Покуда проспится ас,
наступит и минет ночь,
далёко уйдет он вдоль берега -
не нужен ему компас.

А если ему вдогон
пошлют эскадрилью, две,
к морским волнам безопасным и
к горам будет жаться он.

(Скука, скука,
входит в дом без стука,
как в страну войска -
смертная тоска).

Вдоль берега наш пилот
летел словно демон, а
в воздушном пространстве кружил над ним
советский воздушный флот.

Весь в мыле воздушный флот -
так низко не мог он пасть:
опасен для нынешних скоростей
столь бреющий полет.

Над ним над одним, ну и
дела! над ничтожным ним
кружил весь военный округ, друг!
во всеоружии.

Над ревом, над блеском крыл
смеялся, как бог, пилот,
"Прощай любимый город" пел
и "Беломор" курил.

Смеялся и знать не мог,
что между сухумских пальм
механик уже налаживал
музейный истребок.

(Скука, скука,
входит в дом без стука,
как в страну войска -
смертная тоска).

Умением истреблять
сам летчик владел с войны
и истребитель УСЛЫХАВ -
ну что он промолвил? - "Блядь".

И Турция эта, шут
бы взял ее, в двух шагах
померкла - теперь не Турцию,
а хоть бы парашют.

Но прыгать-то низко, и
нет Турции никакой,
о чем он всегда подозревал
во глубине души.

(Скука, скука,
входит в дом без стука,
как в страну войска -
смертная тоска).

Увидел он в истребке
чужого лица пятно,
но с этой бреющей высоты
не мог он уйти в пике.

Не стал он пятну лица
делать знаки, что, де
вернуться желает он к жизни - нет -
летел он до конца.

Прижался лишь к скалам вплоть -
на третьем заходе лишь
(салага машиной едва владел)
сподобил юнца Господь.

Звук очереди - черед
всегда означавший - дни
былые напомнил летчику,
закончившему полет

последний. Взорвался бак
и легчик взорвался, и
стал тяжелее воздуха
замысла пух и прах.

И прямо в девятый вал
упал он. Теперь со дна
не всплыть ему: держит кабины клеть,
как кости кистей - штурвал.

(Скука, скука,
входит в дом без стука,
как в страну войска -
смертная тоска).

Лазить за ним на дно
не стали. И так стране
стоило слишком больших хлопот
этакое говно.

Щепки фанерных крыл
унес куда-то отлив,
после того, как прилив о скал
стену их долго бил.

Герой наш на дне морском
брошен. Над ним - вода.
А над водою - чайки летят
не в Турцию ли тайком?

(Скука, скука,
входит в дом без стука,
как в страну войска -
смертная тоска).

•

Заводится, как патефон,
поддельный неофит:
лицо из кожи лезет вон,
глаза сошли с орбит.

"Аз за отчизну пострадах -
мне б визу в мир иной..."
И пена мнений на устах
мешается с пивной.

•

Во глубине колодца
звезда теперь не тонет
среди бела дня. Но вы не
ушли от нас в зенит,
хоть снег вас не коснется
и ветер вас не тронет,
и жребий вас не вынет,
и тьма вас не затмит.

•

Мы шли сквозь незнакомый лес
осеннего обыденного вида
и говорили, помнится, о Витге.
Вдруг лес иссяк и сам в себе исчез.

Открылся поля склон, и посреди
него стояла вышка, словно арка
среди площади, и от нее овчарка
к нам с лаем мчалась сквозь бурьян. "Гляди, -

сказал мой друг, - вот это установка
для радиоглушения. Их тьма..."
Стояла вышка тупо и неловко
и совершенно по себе сама.

Овчарка лаяла. Я глянул без укора
на техники родимой чудеса,
которые заглушат очень скоро
знакомые до боли голоса.

•

Их призраки из-за кордона
бредут в отеческое лоно -
невидимая вереница -
через свинцовую границу,
чрез проволоки ток колющий
сквозят - беспочвенно идущий
стоп не оставит отпечатка,
ни пограничник, ни овчарка
его не чувят в двух шагах,
бесчувственные, словно прах.

•

Но зато всё то, что здесь
было близко вам,
станет чудом из чудес
неизменным - там.
Не обрушится фасад,
не наскучит скит...
Словно некий верный клад
вечно в вас зарыт.

НОЧЛЕГ

Я ночевал в подъездах, в скверах
во двориках, в кабинах тесных
грузовиков военных, даже
в горах у Иссык-Куля раз,
во мху под звездами и хвоей
военных чащ, и вот однажды
ночлег мне в сумасшедшем доме
нашелся. Помнится, стоял

октябрь. Лил дождь. И на трамвае
приехал я к дурдому. Парком
старинным обрамленный тускло
темнел среди ночных стволов
старинный дом. И над порогом
желтела лампа одиноко
и угрожающе, как ночью
у нас желтеют лампы. На

ступенях каменных белела
фигурка доктора, а впрочем
какой-там доктора - Маринки -
век одноклассницы моей,
весь век отважно походившей
на безуспешного ребенка,
которому наш мир не нужен
и за которым глаз да глаз:

гляди того, нашкодит. Ей же
самой даны были два глаза,
наполненные удивленьем,
которое не удивишь
ничем - два черных, иудейских,
зараз бесхитростных и хитрых,
и им была несоразмерна
сама Маринка-кроха. Мы

вошли в дурдом. Переодела
меня в наряд больничный. В этой

по-воински безликой байке
почудилось мне, будто вновь
я - в Бресте, в госпитале, где я
однажды повалился славно,
в солдатах будучи. (Нет, память
в нас только спит, как лоботряс,

но потряси, и вдруг очнется).
Маринке отдал я начало
"Подземной нимфы" - на дежурство,
и двинулись мы с ней в обход
вечерний по палатам. "Сашка,
пошли - посмотришь сумасшедших", -
гостеприимная хозяйка
так предлагает полистать

альбом Пикассо или Босха.
И мы пошли по анфиладам
палат и зал и коридоров,
чередовавшихся, как дни,
как день и ночь... И бесконечно
Маринка отпирала двери
и запирала следом. Люди
мелькали в сумерках палат.

Халаты их равняли. Лица ж
казались байковыми тоже -
голубоватой байкой или
зеленоватой. И обход
не впечатлил меня. Лишь утром
больных увидел я воочью,
и были все они похожи
на завсегдатаев пивной,

но до ее открытия, утром -
в урочный час, когда у входа
они, как призраки, возникнут
и воплотиться жаждут хоть
во что-нибудь живое. Впрочем,
понять столь точное сравнение
лишь знатокам возможно, каюсь,
но над другим не бьюсь. Потом

был отведен я в тьму палаты
на уготовленную койку
(старушка-нянечка сказала,
что специально для меня
она застлала ДВА матраца,
нашла подушечку по-гуще
так, чтобы дорогому гостю
спалось по-слаще). В той моей

палате пахло, как в казарме.
Казарменному же допросу
я был во тьме подвергнут. Мигом
решили эти голоса
во тьме витавшие отдельно
от тел своих, что "принудилка" -
удел мой, и к своей рутине
вечерней возвратились. Весь

их разговор, во тьме лениво
лишь вспархивавший, словно голубь,
мне был знаком от жалкой альфы
до мизерной омеги. Тут
лежали молодые парни,
а я три года с лишним слушал,
как наши молодые парни
ведут беседу перед сном.

Звучали смачные насмешки
(их суть - тоска и отупенье)
они к молчанью угловому
все относились. И оно,
молчанье это, было тоже
тоскливым, злым. И все ж к чекушке
на той неделе пронесенной
сводились речи в основном.

На том я и заснул. И значит,
ночлег блестяще состоялся.
И утром, "выписавшись", вышел
я в солнечный старинный парк
с убогим тазиком фонтана
посередине - был он полон
листвой октябрьской - одноцветной,
но ярко-серою листвой.

Был день высок и ясен. Город
звучал, виднелся за оградой
чугунной. И в глазах рябило
от радости и воробьев.
А корчи солнечных деревьев
настолько были очевидны,
как будто корчились не сучья,
а скоротечность дней земных.

И вскоре на ступенях, тех, что
вчера дождем мерцали мрачным,
а нынче высохли, как слезы,
Маринка появилась с той

улыбкой непроглядно школьной,
почти забытой, но реальной,
и, подскочив ко мне, сказала -
откачивала, мол, всю ночь

она какого-то мальчишку -
он умирал, но выжил. Все же
она прочла начало "Нимфы".
"Перекусить бы нам". И мы
свободно вышли за ворота
дурдома этого в столицу,
где двигались машины, люди
куда угодно... Но куда

ведет рассказ мой? Много дальше,
чем мне хотелось бы. Ведь с ночью
покончено. Ночлег удался,
и есть в наличии белый день.
Но я не про ночлег (хоть, впрочем
ночлег, как таковой, проблема
порой серьезней постового
в ночи стоящая) - про то

что вот уехала Маринка
из этой нашей сумасшедшей
страны в какой-то странный Лондон,
где "London bridge is falling down",
и не прочесть ей окончания
"Подземной нимфы", хоть стихи ей -
до лампочки, и не сойтись нам
теперь хотя бы раз в году,

а то и реже. Разве дело
во встречах? - даже не в разлуках.
Былого не вернуть - тем паче
из Лондона. Обычно мы
не задаем себе вопроса -
ОТКУДА нету возвращенья
былому этому - вот случай,
когда навязчивый ответ

нам сам дается в руки. Между
былым и нами есть граница
по-государственной каких бы
то ни было границ: столбы
с гербами, серые мальчишки,
натасканные, как овчарки,
стоят меж нас и нашим прошлым -
вот отчего возврата нет

нам из самих себя... Маринка,
не унывай. С тобой унынье
несовместимо, как с Москвою
твой Лондон днесь несовместим.
Сильнее расстояний близость.
Живи легко, раз эта легкость
твоей душе необходима,
как людям вечером ночлег.

•

Но он еще младенчески кичлив
твой англичанин в первом поколенье,
хотя его предел – имперсональность
с безличностью граничит, а его
боязнь сентиментальности граничит
с бесчувственностью выдуманной, ибо
он сам нет-нет да ощутит еще
по-русски непростительное чувство
и скажет "bloody" или скажет "черт с ним",
и плюнет через левое плечо.

•

Но мы останемся изгоями,
не ставши ими. Без следа
простимся с городом, из коего
нам не уехать никуда –
лицом к лицу, как с небылицею,
с родной безликости столицею,
свой прах давно втоптавшей в прах
и исчезавшей на глазах.

•

А из этого города
не уйти, не уехать мне,
не проститься с ним запросто,
не расстаться, не встретиться.
Видно, нет нам прощания
нищим духом, юродивым:
не простит он мне много что,
да и я не прощу ему.

•

Зимою близорукой
украдкой, впопыхах
ты встретишься с подругой

в искусственных мехах
заснеженных задворок
и углядишь тайком
былого лета морок
в лице ее нагом.

Тайком закрою я глаза,
чтоб увидеть на миг
черты осунувшиеся
и прядь волос нагих,
и трепетание ресниц,
и трепетанье век...
Как много позабыл я лиц
на миг, потом навек.

Блудниц ли лица иль страдалиц -
в былые дни, в былые дни
под маской юности скрывались
от нас неведомо они.
Но и теперь их суть едва ли
случайную мы различим,
когда глядят из-под вуали
своих смеющихся морщин.

...И не в диковинку во сне нам,
чтоб женщины переливались
одна в другую, а другая
в одну, лишь изменяя внешность,
личину, оболочку, словно
из слова в слово - плавный смысл.

Она бесхитростно одна,
она бесхитростно одна,
она бесхитростно одна
в миг сокровенный тот
когда, когда, когда она
зажмурится и ждет.

•

Предательство - род вожделенья
мужского. Женщинам оно
стыдливым - по определенью,
по сути их - не суждено:
хоть предадут, но тем не меньше
давно никто не предан тут:
коль предадут, то лишь забвенью
вас женщины, коль предадут.

•

Не ведая, не зная
назад ли, наперед
душа, как взор, сквозная
единый миг живет
и ока во мгновенье
сквозит в оттенках глаз -
где пристальность томленья?
где близорукость ласк?

•

Первых встреч предплечья
и последней встречи
плечи безразличные -
далеко далече,
далеко далече -
лишь колечко - пальцы,
лишь ужимка - плечи,
лишь браслет - запястье.

•

Не протянулись нити.
Остановился миг.
Нет, вы вообразите
безгрешности тупик.

Не расползлась из рая
пустыня на весь свет,
где Авель, умирая,
глядит братану вслед.

Не плодоносят кроны.
Нет воздуха для крыл.
И Евы "растворенной"
Адам не растворил -

нет, он, избегнув гнева
Господнего, поднесь -
в саду с нетленной девой,
а не с тобою, бес.

•

Оно слетело с уст, и
из первозданных вод
явились слитки, сгустки
первоначальных нот,
и в космосе тенистом
семь дней -широкоскул -
пел, наполняясь смыслом,
первоначальный гул.

•

Я на слове
себя ловлю -
так настом снег
покроет мглу
декабрьских стогн,
сутулость шуб,
но, тая, он
слетает с губ.

•

ПРОЗРАЧНАЯ МАСКА –
ей нету конца:
сей маски гримаса
не застит лица
живого, но, Боже,
я вижу: оно
гримасою тою же
искажено.

•

Хотя я неподвижен
и не сошел с ума,
но тень моя, пойми же,
и по себе сама -
то вдруг возденет руки
(моя ж при мне рука),
то выпрямится вдруг и
посмотрит свысока.

•

Нет, не стать мне конформистом,
дорогой товарищ.
Чистый, чтобы подкормиться,
звук не отоваришь.
Мне не петь в народном хоре
лихо, разудало:
"Во Содоме, во Гоморре
девица гуляла..."

•

Я не любитель мнений,
податливых, как миг.
Но вы, конечно, гений,
коль исходить из них.
Известно ли алмазу
число его карат? -
а вы вписались сразу
в оценок преискурант.

•

Всё к худшему. Души
тратят до поры -
известность снаружи
или изнутри -
безвестность. Где решка,
где орел? - но ведь
важно, что же между них -
золото иль медь?

•

Как она свои стихи читала? -
руки пред собою протянула,
словно в них листочек, испещренный
точным героическим звучаньем,
но листочка не было, и руки
сами напрягались, словно память,
напряглись глаза ее, как мышцы,
став еще прозрачней и светлее,
прямизна осанки затвердела,
как бы от самой себя отпрянув...

Если бы тысячу лет вода стояла,
не старея, не испаряясь,
за всю тысячу лет ни разу

не плеснувши, не колыхнувшись,
затвердела б вода, как слиток;
гладкий, теплый, не лед, а твердый,
неподвижный и влажный - вот как
твердо эти стихи звучали.

•

Когда упавшего пророк
пинает пса, чтоб не подох,
мне б очень не хотелось знать,
приятно ли ему пинать
под ребра, в морду и под зад...
Пес выползает в серый сад,
перевалившись за порог.
И в руки взял себя пророк.

•

То, что я опоздал к обеду,
к крошек шапочному разбору,
то, что я между двух застолий
оказался, как меж двух зайцев,
я считаю твоей удачей,
участь, выпавшая мне поздно:
гостю в этих застольях тесно,
как за пазухой тесно камню.

•

КРАСИВЫЕ БУКВЫ -
но их завитки,
чтоб кровью набухли,
как вены руки,
виясь безотчетно,
как танец иль дым,
чтоб смысл был отчетлив
и неуловим.

АКРОБАТИЧЕСКИЙ ЭТЮД

Неестественность искусства -
корчи естества.
Так гимнастки стройной русло
извивается,
так гимнастка, словно слово,
гнется - видит Бог:
у нее, как у коровы,
груди между ног.

*"Ишли смерды
Богатые,
Гребли золото
Лопатами"*

(Подблюдная - к смерти)

Знать не знал я лермонтовской скуки
и поднесь не знаю скуки бродской -
скуки романтической иль скуки
интеллектуальной - любопытно:
суть у этих сук одна и та же -
слишком нелюдимая гордыня,
на своем стоящая, как камень,
иль, как белый день в краю полночном:
скучно, долго, ясно, очевидно -
зелень стала серой, синь напрасной,
лопасти теней полдневных стерлись -
времени течение лопатой
не гребут, как мужички из песни -
золотишко солнечного света -
низко солнцу, облакам прозрачно,
призрачно немеркнушим предметам -
скука - разновидность дальтонизма,
белым столь присущая ночам.
Я ж позорно развлечен, как в детстве
иль в порочном отрочестве, в прорве ль
юности пустой и ненавистой -
ИНТЕРЕСНО жить мне: и поднесь
я дивлюсь завзятому злодейству,
подлости людской бесстрастью, либо
добrote столь самоочевидной,
словно чудо, но всего сильнее -
этой вот ЕСТЕСТВЕННОСТИ дикой:
словно капли падают за ворот
в марте, словно слова не воротишь -
ей невняты ни добро, ни зло.
Не перестаю я удивляться
женщинам - их красоте-коросте,
музыке - беспамятства звучанью -
иль искусству, чей закон - условность -
ставит под сомнение звук и цвет.
Я готов буквально съесть до буквы
Книгу, что годится не пороку -
лишь пророкам в пищу... В полной тьме -
рад не рад - а вечно что-то ищешь
лихорадочно - и пусть не свет, а ответ
чуть забрезжит - до чего заманчив
он для ночи... Где уж тут скучать.

•

...И читал-то я за эти годы
раза три - не более - публично,
и хотя в компаниях различных
я читал, но было впечатление
одинаковым: казалось, в каждом
из собраний этих мне встречался
человек всегда один и тот же
(хоть не мог он быть одним и тем же,
но, однако, несомненно, был):
ставил он еврейские вопросы,
ждал на них – смущенья – не ответа,
не дождавшись, сокровенно злился
и сидел от этого прямее
на прямом, как гвоздь, советском стуле,
и хотя хотел, не ухмылялся,
и хоть ухмылялся – не нахально.

ГОРАЦИО

Но дальше не молчание, а то,
что нам поведает Горацио-Вергилий,
как эхо иль как попугай твердивший
вслед Гамлету его слова - вопросы
в ответы обращая расстановкой
лишь интонационных ударений,
и в подражанье чуть не перешедший
границу жизни - он расскажет всё
неудовлетворенным: то-то эхо
в потемках станет ухать, словно филин,
а попугай, изображая трель,
картавить на безумный лад - ведь Гамлет
так хорошо сыграл безумье лишь
по той неизлечимейшей причине,
что был безумен и без представления -
сам по себе - что ж станет повторять
Горацио в берете витгенбергском,
разумный, как термометр, в котором
температура чуждая снует
то вверх, то вниз?.. (Вот для чего Шекспиру
пришлось пересказать нам всё заранее,
использовав кровавый материал:
впрок школяру поэт не доверял
дальнейшего молчанья...).

•

Расти готическая ель.
Дуб, корчись, словно корни.

Звучи, звучи виолончель,
искореняя скорбь,
и ни о чем, и ни о ком
не забывай, не помни -
но неподвижность душ смычком
замедли и ускорь.

•

Удел летучей мыши:
в тисках ночных округ
все мечется, и выше
ей дан лишь зрячий звук.
А днем средь вечной грязи
в звучанья кладовой
она, подобно фразе,
висит вниз головой.

•

Побочен белый свет,
бессмысленно обычен,
и тысячами лет
насыщен миг не впрок.
Остыл горячий чай,
и светлячки обличий,
чуть вспыхнув невзначай,
исчезли между строк.

•

Хоть средь безбожнейшей столицы,
но так же, как в святой Руси,
на Тихона стихают птицы,
и визг предутренних такси
не глушат хором. Перемены
птиц не коснулись, как систем,
хоть молкнут на Афиногена
они, как люди: насовсем.

•

На прощанье спой мне -
хоть что. Не молчи.
Разве не достойны
мы притолоки хоть,
порога высокого
да лая в ночи?
Подождет до срока твой -
уход так уход.

•

Без значенья помолчим,
словно камень скинем с плеч -
ты, кручина, не кручинь,
ты, переча, не перечь.
Это мы на склоне дней,
словно миг один, одни -
ты, желанье, не жалея,
ты, сомненье, не сомни.

•

Был воздух млад. Был молод
удел наш. Словно дым
висел над нами город
огромный. И над ним
летали птицы ало,
лилово и пестро,
и каждая роняла
бескрылое перо.

•

Гуляет где-нибудь и он
среди осени лесин,
беззвучной музыкою полн,
как нотный магазин,
беззвучной музыкою полн,
как диска, что разбит,
кусочек острый... Испокон
гуляет паразит!

•

Кто к людям безоглядно
измлада был влеком,
кто собственные пятна
в них не искал тайком,
того предаст товарищ,
тот станет нелюдим
под старость, как пожарищ
охладевший дым.

•

На площади - садик,
в садике - скамейка,
на скамейке - девочка,
рядом с нею - мальчик.
Девочка не плачет.
Не смеется мальчик:

чаял да отчаялся,
мнил да усомнился.

•

Нависают веки.
Обострился нос.
Опустились руки.
Но на любой вопрос
серыми губами
(на языке налет)
мы отвечаем сами
и за себя лишь : нет.

•

Остается надеяться лишь
на созвучий безлюдную тишь,
на деревья - дай Бог им ветвей -
на приземистость псковских церквей,
на печной изначальный огонь,
на друг друга родную ладонь
да на небо, где - с веком не в лад -
только птицы да звезды летят.

•

День светал окрест,
как надеялся.
Снег лежал, лежал,
да не выпался.
Ближний лес стоял,
будто ждал чего.
А дальние леса
удалялись.

•

Приземисто с утра.
Бок о бок спят ухабы.
Когда и в путь пора бы
и вообще пора,
полей бескрайних голь
проговорила логу:
"Присядем на дорогу".
И лог сказал: "Изволь".

•

Дачи заколочены.
Ночи безоглядны.
Дай нам Бог собачьего

лая за версту.
Дай нам хоть обочину
от пути... и ладно,
и довольно - нечего
клянчить попусту.

•

Кровавая зелень
осеннего дыма
и неба высокого
стог.
И то, что прекрасно,
то необратимо,
как зелени красный
листок.

•

Я - дачный, навеки
покинутый дом -
холодный и ветхий
с прогнившим крыльцом.
Но видели вдосталь
вблизи и вдали
забитые досками
окна мои.

НОЯБРЬ

Пусты конурки дач.
Участки кривобоки.
Прозрачны сучья, сроки.
И воздух гол, бродяч -

в штакетниках густых,
заборных сетках. Это –
весь скрип калиток лета
на ржавых петлях стих.

Твоих пустот, зима,
уже пустуют знаки:
бездомные собаки,
безлюдные дома.

До срока, хоть сама
уже почти приспела,
сорокой черно-белой
прикинулась зима.

И стала настом слизь
ухабов, ям дорожных -
в нем свежезаморожен
антологичный лист.

Лес хвойным стал. И пуст
в его сырых отрогах
столбов четвероногих
высоковольтный путь.

Всё – в одиночку, врозь
и коль оттаял иней,
алеет на рябине
несклеванная гроздь.

...Так в солнышке косом
ноябрьских дней бесславных
мы шли нарезать лапник
с моим живым отцом.

•

Поначалу сходились мы
в дни рожденья недавнего,
в дни набора армейского,
на гуляньях на свадебных,
а теперь, коль увидимся -
у могилы у глиняной,
среди хлопот погребения,
на поминок безрыбьи.

•

Девять дней живет в дому
душа, отлетевши.
По окрестному холму
бродит сорок дней,
по низине, по холму
бродит безутешно
и уходит, потому
что простились с ней.

•

...Холодеет матрац.
Всё пустынное в думах и в домах.
Теплые уголья глаз
розовеют в бессонной золе.
На том свете у нас
всё больше родных и знакомых -
само понятие "аз"
всё бессвязнее здесь на земле.

ДВЕ ЭПИТАФИИ

1.

Свет дальновидной звезды мы узрим даже -
вечность в него не зря подливала масло.
Мы называем его звездой - звезда же
давно погасла.

2.

Днесь наконец поэта-страстотерпца
мы обрели могилу при прощаньи
с прахом той, что так долго несла под сердцем
его молчанье.

31.12.80 - 2.1.81

ДВЕ ЭПИТАФИИ

1.

С трубкой, улыбкой, тростью снова в гетто
света того, в той залетейской бреши
да разрешат заздравному поэту
пить Аджалеши.

2.

Отрок поэзии русской, не крививший
уст своих подобающей гримасой
глубже теперь он стал, зато и выше
судьбы негласной.

•

Пусть память как-нибудь
сама отыщет броду:
так берег входит в воду
по пояс и по грудь.

В беспамятства союз
вступая добровольно
и превращаясь в волны,
я в землю окунусь.

•

Но я пожить еще не прочь
под птичьим небом. Въявь
увиджу, может быть, точь-в-точь
песков балтийских вплавь,

и буду бос и буду гол
и наступлю, Бог мой,
шальному морю на подол
атласный, кружевной.

•

Уж коли из смерти в мир мы
явились, как из-за ширмы,

чтоб жить и достигнуть снова
лишь небытия былого,

то песенка наша спета -
мы - выходцы с того света,

мы сами - посланцы смерти.
Но это не так, поверьте.

•

В век аббревиатур
объятия короче,
короче дни и ночи,
веревочка и шнур.

И над тобой, земля,
над прорвою финалов,
мы, как инициалов
сплетались вензеля.

•

Обладают ли душой
ангелы? Иль сплошь
из души они одной
состоят? А рожь
их кудрей, а облак крыл,
взор острей ножа -
неужели, Азраил,
все это - душа?

ПРИ СЛИЯНЬИ

1982 - 1983

ПСКОВУ,

граду речному и "вечному"
Дому Животворящей Троицы

•

Нет, ни в верстах и ни в часах дорожных
стоит от нас сей Псков, а много дальше -
за младости неладной пеленою,
за отрочества призрачностью чистой -
в младенчества потусторонних вспышках
ярчайших он является нам, будто
зарница-озорница вырывает
из вязкой ночи звуки - клочья мрака...
а хочется нам верить в озаренье.

•

Во Изборске Старом
куры запевают.
А во Гдове вдовы
по воду сходили.
Во Печерах черный
звонарь пробудился -
к заутрене ранней
братию сзывает.
Во Плескове* скоро
праведников трое
ко Живоначальной
Троице сойдутся.

* Плесков - старинное псковское
название Пскова.

•

И в За́псковье - закат.
И в За́величье - вечер.
(Ко вечере звонят
среди бела дня).
Уже сошел народ
со службы - спины, плечи -
над ними восстает
оплот Кремля -

прозрачный силуэт
сих башен, стен высоких -
пройти его иль нет
насквозь? Гляди:
всё по местам своим -
Никола со Усохи,
Василий, Михаил,
а впереди -

углы на склоне дня
Козьмы и Дамиана,
храм Богоявления -
сей сколок лет,
и звонницы фасад
могуч. Хоть ночь, но рано:
и в За́псковье – закат,
и в За́величье – свет.

•

А Великая река
она как велика? –
как великое терпенье –
застоялись берега.
Как Пскова-река одна
до слияния видна? -
как великая усталость -
еле по́днялась со дна.
Как Мирожки-от
ручеек течет? –
как великая погибель –
мельче собственных болот.

•

Тиха Пскова – и рыба не плеснула,
и камня в реку дикую не бросил
никто, а все идут по алой глади

круги, круги, как кольца на надрезе
древесного ствола иль отпечатки
незримо чьих, но осторожных пальцев.

•

Не слышали, не наслышались
звону Божьего, Господнего,
звону медного, зеленого,
звону красного, малинового -
здесь на звонницах-то нет колоколов,
а коль есть, то безъязыкие,
безъязыкие, безгласные,
словно песня - бессловесные.

•

А Великая река,
хоть мала, да велика.
А Пскова-река лежит
тише стеклышка.
А и Кремль между них
не ворохнется стоит.
Перед тем, как стечься им,
встал Предтечи храм -
встал Ивановский собор:
три креста, один запор.

•

Спины и плечи
толпы быстротечной людской.
Вечер как вечер -
он тихо глядит из-под век.
Храм Иоанна Предтечи -
один над рекой.
Храм Иоанна Предтечи
пред встречу рек.

(КРОМ. ПРИКАЗНЫЕ ПАЛАТЫ)*

Приказного крыльца изломы
на столбах бочковатых, тучных -
точно змей из палаты выполз -
многолапый, нелепый - трижды
изогнулся и грозно замер,

* Кром - псковское укромное
название кремля.

затаивши дыханья тяжесть,
дыбом дерево кровли встало
чешуи булатной подобьем - ишь:
подавитель и пожиратель,
страшный рыночный змей-горыныч.

Уж хорош Никола, что от Торга:
посегодня народ под ним торгует.
Еще краше Никола со Усохи,
и болота под ним как ни бывало.
А Никола у Каменной Ограды -
рад не рад - совсем один остался:
ниотколь не виден за домами
ну хотя б главы его клубук
на улице Розы Люксембург.

ЧАСОВНЯ "НЕУГАСИМАЯ СВЕЧА"

Свечй перед иконою
Николы-свет Угодника
нет нынче и иконы нет
в часовне, прилепившейся
к Николе со Усохи - лишь
тонкая, благолепная
главка над нею теплится
Свечей Неугасимою.

Звонница Вознесения
Нового все возносится
и что ни день то сызнава
над церковкой укромною,
над тучей, и молчание
ее пролетов ярче лишь
сильнее, оглушительней
без колокольной окиси,
что зеленей окрестного
нашего лета красного.

Купол Спас -
Преображенья.
Сколько яви
в нем слилось:

капля меди,
капля меда,
капля крови,
капля слез.

Круг Козьмы и круг Демьяна
на склоне горы и дня
кони карие пасутся -
три стреноженных коня -
не гремит Гремячья башня,
глядя бережно на них:
как пасутся кони влажно,
превращаясь в вороных.

Поминутно ходит солнце средь ветвей.
Посолонно ходят тени вкруг церквей
крестным ходом, крестным ходом -
а коль церковь над рекой -
аки по суху, по водам
крестный ход идет такой.

Как под травами - коренья,
таковы и подцерковья.
Как приход сошелся верный,
так сомкнулся четверик.
Как недвижно крыл паренье,
так застыл разлет притвора.
Как при матери младенец,
так при церкви - бел-придел.
Как дыханьице невзрачно,
так абсиды воздыхают.
Словно царь со службы вышел,
таково во храм крыльцо.
Каково родство укромно,
так под кровлей закомары
византийскою высокою
даже бровью не ведут.
Чем на небе птиц поболе,
тем и кровля многоскатней.
Век себя кругом обходит
по-над кровлей барабан,
как обходит крестным ходом
белый храм народ пасхальный.

Как следы в снежок запали,
так под куполом - узор.
Каково свисает капля
долго с облака благого,
таковы и налитые
эти капли-купола.
Как в золе огонь остался,
так и в гонте - огонь древесный.
Как над реками - стрекозы,
так над церквами - кресты.

•

Облака стали плотью -
долговаты, круглы ль -
куполов поголовье,
глав и главок горбыль -
шлемы, луковки, маки,
полусвет полусфер -
и озерный в размахе
не разгонит их ветер.

•

А у храмов здешних
дыханьице - пух.
Нет, не дышат пышно
абсид их меха.
Невесомо, каменно
среди строек-разрух
тихо за деньками
стоят их века.

•

А разводы-валики,
как узор на прянике -
на прянике будто -
печатные буквы.
А и прясел вмятины
на сахаре стен,
как в прянике мятном -
глянул - будто съел.

•

А под куполом идет
тут узора хоровод -
чьи следочки из земли

на него посрѣзали?
Уж и сладок всяк следок -
то-то водится танок*
под главою гонтовбй -
не расходится домой.

Втиснут в ряд с домами,
как в скитанье - скит,
бьет притвор крылами,
бьет притвор крылами,
бьет притвор крылами,
да не возлетит
или тужась тетивой
в пустогу над нами
целит он углами -
звонницы стрелой.

Было дерево карим -
стало сивым, как сумрак, как дым,
было смуглым веками -
стало серым, устало-седым.
Кровлею ли на храме,
гнута ль лемехом в главах она
иль над башен "кострами"
серебрится дерев седина.

А каково теням вольготно -
вечерним, утренним и днѣвным -
на этой извести церковной,
на сей блаженной кривизне -
округло, угловато, прямо,
устойчиво или покато,
то выпукло, то углубленно,
то высветленно, то темно,
то явно слишком, то уютно,
укромно, потаенно или
прозрачно, призрачно ли - словом,
различно - замечательно!

* Танок - хоровод.

А как они дышат? -
как будто не камень, а мех
кузнечный. Гори же,
сиянья алтарного горн.
И камня прохладу
вдыхай же, сияние всех
свечей и окладов
и ликов в глубинах икон.

А как же пустует
теперь эта кузница их
и пьет вхолостую
дыхание ветхих мехов?
Вино или млеко? -
чем храм опустевший налит -
нет эхом, как некой
он влагою полн до краев.

Храмы-то набухли
пустотой без блага -
мертвые, как буквы
из Слова Живаго.

Или живы линии
тайной жизнью слов -
полевые лилии
главок, куполов?

Дерево - цветений сплав.
Сочен, коренист -
силуэт любой из глав
церкви - вечный лист:
иль зеленый, словно лес,
заржавелый ли -
лист - застывший соков всплеск
солнца и земли.

Серебрится, яко
райская змея -
кровельная дранка,
гонта чешуя -

хоть и не сгорело
дерево дотла,
стало его тело
серым, как зола -
будто пламя съело,
а память сберегла.

•

Что же видят издалече -
из бывшего лютой сказки
бровки* храмов - спины, плечи
да мотоциклистов каски,
тусклые затылки или
отражения своих
стен бывших в автомобилях
задних стеклах ветровых.

•

Есть и люди во Пскове
(кто не видел людей?).
Но мельканье людское
к благолепию церквей
непричастно: настолько
посторонни они -
эти люди - устоям
собственной старины,
что почти незаметны
рядом с этой красой -
столь странны, несусветны,
что НЕСХОЖИ С СОБОЙ.

•

Улеглось волнение
арок, закомар.
Кривизну прозренья
подточил комар.

Прихоти насущность
нам понять слабó.
Стало в мире скучно,
скученно. А по

* Бровки - углубления в стене, в которые
"топились" окна; как бы глазницы окон.

городам и весям,
замесив бетон,
ходит бес с отвесом,
яко со хвостом.

Строже, чем орнамент,
он на нас глядит,
заложив фундамент,
яко динамит.

Летом далече до ночки.
В небе над Псковом речным -
ласточки, чайки да летчики,
голуби, ангелы, дым
фабрик да рябь воробьиная,
облачности паруса
и, как бывшее, незримая
звезд непроглядна краса.

После зорьки алой
по ночам по белым,
по ночам упрямо
ночь белее храма,
храм белее ночи,
ночь белей, чем очи
подколодной чуди здешней,
чуди белоглазой.

Солнце вечное,
бесперечь свети!
В тебе ночка-глубь -
как в тихом омуте.
Церковь, как в цвету
яблонька одна.
На белом свете
нам и ночь красна!
а и насквозь видна,
как пить до дна:
эх - была не была -
нам и ночь бела!

Богородица ходила,
следу Божьего искала,
во оставленные храмы
проникала сквозь затворы,
со Пароменья Успенье
напоследок оглянула -
среди бела дѣнька Дева
одиношенька, как ночка.
Каково во Пскове людно,
таково ей одиноко.
Каково во храмах пусто,
так никто ее не ўзрел.

ИЗ СОФИЙСКОЙ ПЕРВОЙ ЛЕТОПИСИ

... В семь тыщ восемнадцатое
лето с сотворенья
мира Божья, генваря
в день тринадцатый
изволил Великий князь
изволить две воли:
веча бы у нас не быть,
снять колокол вечный.

Поиманы Богом
и Великим князем -
волен Бог и государь
в вотчине своей он,
во Плескове и во нас,
в колоколе нашем,
в вечном колоколе и
в гуле его вешем.

...Опускался долу
колокол, что солнце,
и, на колокол смотря,
плакати начаша
вечники-крамольники
псковичи - от мала
до велика (токмо
слез не испустили
кои млады и зане
не в разуме сущи) -
как им не упали
зеницы на землю,
зеницы на землю
со слезами вкупе?
како не урвалось

от корени сердце,
плачучи по старине
и по своей воле?

...Поклонившись Троице,
князь начаша править -
правых, виноватых
по себе твориша.
От насильства, грабежа
разбегоша многи,
пометав детей и жен,
в города иные,
иноземцы во свои
земли разъидоша,
и осташа во Пскове
псковичи едины.
Некуда, Заступница,
от себя успеть:
ЗЕМЛЯ НЕ РАССТУПИТСЯ,
А ВВЕРХ НЕ ВЗЛЕТЕТЬ.

•

С той поры, как царь Иван Васильевич
(а точнее царь Василь Иванович)
выводил измену из Пскова,
Псков навек остался неизменным,
а коль изменялся - неприглядно,
как душою брошенное тело
страшно изменяется - хоть прибран
прах, омыт водою ключевою,
прежде чем для вечного прощанья
всем на погляждение поставлен.

•

Ищи ветра в поле.
Во бору - дорбг.
Во нашей неволе
волен князь да Бог.

Как полей раздолью
мерою - сыр-бор,
так и своеволью
мера - произвол.

И когда над полем
лес зайдется в дым,
уж мы поизволим!
уж мы похотим!

•

Каждый храм во Пскове
сам себя укронней,
каждый храм во Пскове
сам себя огромней:
хоть велик - уютный,
хоть и близок - дальний,
хоть миниатюрный,
но монументальный -
ширь и высь в обличье
тесное впитал он:
велико величье -
обойдется малым.

•

Ан не вывернуть нам
храмов наизнанку -
двоеличие стенам
вечное дано:
уж снаружи-то стена
стеснилась, как правда,
а внутри, как истина,
раздалась темно.

Уж наружа-то видна,
а нутро укронно.
Всяка истина - стена.
Всяка правда - прорва.

•

Знать, теснее извне, чем внутри,
храмы псковские, но до поры
в этот их первозданный секрет
нету входа и выхода нет -
не войдет, не воскликнет позор:
"в тесноте Ты давал мне простор",
до пределов небесной красы
"в скорби распространил мя еси".

•

Чрез звонницы основу,
чрез мощный четверик,
как будто через слово,
мы смотрим через них,

и сквозь теснины-своды
мы видим скорбь-страну,
ак будто через воду
или через весну*.

Пуста, аки бездна
храмов старина -
вера БЕССЛОВЕСНАЯ
в ней заключена -
посильнее искуса,
попустей поста -
хоть извне неистова,
а внутри пуста.

Расцвет - он мастера, как сок,
всего всосет из почвы
и вместе с именем его
поглотит - не беда:
потусторонен, словно Бог,
творения воочью,
жив мастер - легкая стопа
во глубине следа.

Упадок-дока имена
творит: играет ими.
И за соломинку труда
напрасно ухватясь,
сам мастер до трясины дна
в свое уходит имя -
и лопаются пузыри
земли: поверхность, грязь.

По обету кончане
во един Божий день
"однодневку" кончали
деревянную - пень
от грядущего древа,

* Или: через вину.

что повырастет здесь...
Однодневку напева
я сложу Тебе днесь*.

•

Безымянные зодчие
вместо смертных имен своих
оставляли воочию
имена, духом полные -
имена ли предстателей,
имена ли всея святых,
имя ли Божьей Матери
или имя Господнее.

•

Из земли они восстали,
словно праведники после
гласа трубного, и трупно
тление преодолели:
как и праведникам круто,
как и праведникам вольно,
таково церквам округло,
таково краеугольно.

•

У Пароменья в Примостье
лик ликуют слитки стен -
церкви белые, как кости -
мощей, превозмогших тлен.
И в укор нагим руинам
новостроек, древний Псков
не исходом, а зачином
мнится мне, времен исход.

* Конец - административный район
древнего Пскова; кончане - его обитатели;
однодневка - деревянная часовенка,
которую непременно в один день ставили
всем концом на месте будущего обетован-
ного храма.

•

На тесноте замешан
церквей съестной простор.
Ты не глядишь, а ешь их -
есть что-то от просфор
в их очертаний сдобе -
и пусть мой образ слеп,
но камень их съедобен,
как обращенный в хлеб.

•

Пусть проста простота,
но хитра:
до нее, как от зла
до добра.
В том секрет ремесла
сих церквей,
что добро проще зла,
хоть трудней.

•

Жаль, что с нами не было
отца - до могилы -
золотой его мечтой
зодчество осталось.
Жаль, что с нами не было
дорогого друга
Севрюгина и его
детей златоглавых.

•

Кабы звезды виделись
среди бела дня.
Кабы храмы ставились
сами в одну ночь.
Кабы пели звонницы
без колоколов.
Кабы вера верилась
сама по себе.

•

Как во Пскове стоят
храмы древние
меж безбожных домов?

А вот так стоят:
ты и шаг не шагнешь,
а приблизишься,
ты рукой не подашь,
а заручишься.

П р и л о ж е н и е

ПСКОВО-ПЕЧЕРСКИЙ МОНАСТЫРЬ В МАРТЕ 1969 ГОДА

1. ОТЕЦ АЛЕКСАНДР

Вот прошли мы Святые Ворота
за Николою Вратарем сразу,
словно из-под земли, вдруг явилась
всей обители глубь перед нами:
храм Успенья, огромная паперть...
Рядом с звонниц, церковей белизною
белый снег, белый свет не мирскими,
а иными казались. И в этой
белизне вдруг пред нами явился,
словно туча, отец благочинный
в облаченье воистину черном,
с черным взором, но взора чернее,
лик его обтекая, струились
влас ручьи и ручьи благочинной
бороды: в ней играл всякий локон
круто, властно и иконописно...
Но потом оказалось - не столь уж
был похож он на В.Соловьева,
как сперва нам со страху казалось -
нет, глаза его не полыхали,
а глядели упорно и глухо,
терпеливо, но ревностно (впрочем,
это сходство ему ни пристало б
и по чину). Отец Александр
не способен был к мудрости - страстью
почитая ее (и не даром),
мыслил он только строгостью ясной,
незлобивой, покладистой даже -
и советы свои изрекая,
чуть похож он был на замполита,
что в политике вовсе не смыслит,
пьянству бой арьергардный давая.
Прост, как перст, был отец Александр -
лишь во время служения в храме
вдруг блаженно он преображался -
простота его делалась сложной -

здесь не брал прямотой он и ростом,
умаялся в предстательстве Слову,
и светлее, осмысленней, глубже
взор его становился... и краше
был Владимира он Соловьева.

2. МЫСЛЬ

Дьякон, с коим снег мы вывозили
с паперти за древние ворота,
уставал от молодости, силы,
долгих служб и свежести воздушной -
засыпал, санями правя - так что,
раз уж чуть мы не перевернулись,
за двоих грузил и разгружал я
свежий снег, чтоб дьякон отдышался.
И пока пластал я снег красивый,
в голубой овраг его бросая,
он, борясь со сном, его беседой
одолеть старался - бережливо
тратя голос низкий, каменистый,
странный без акустики церковной.
О себе распространялся мало
он, сказав лишь, что армейской службой
раз насытаться, обратился к Богу
и жалеет, что учился мало,
что хотел бы промысел Господень
он постичь в напастях всероссийских,
что в столице, чай, народ ученый
знает лучше, но и он, однако,
сам дошел до мысли, до догадки,
размыслив над злосчастьями страны -
мысль на морозе прозвучала кратко:
"Есть мученики и у сатаны".

3. ПИТИРИМ

Маленький, тряский.
В серой ряске.
Не по лётам веселы
маленькие глазки.
Да и сам проворен
не по лётам -
по своим ста двум годам -
в жестах, в разговоре ль.
А и разговор-то
его птичий -
как по кочкам скачет речь
издалече.

Пел в Александринке
он при Александре
III. Тенором он пел
превысоким.
Был дороден Александр -
куды Николаю! -
я обоих видел сам,
а все не помираю -
не берет меня Господь
до времен последних вплоть.

4. МАРТ 1969

В первых числах марта
мартом и не пахнет -
снег февральский пышен,
лишь на зорьке пышет
попоздней, подольше
его хладобойня,
да голые ветви
разве что цветнее
стали - не начертаны
тускло, одномастно:
ожили оттенки
их замерзшей кожи -
лиловей, краснее
иль зеленоватей
стали. Но на месте
зимние морозы,
и в деревьях сонных сок
тоже неподвижен.

(Суть весны, художник,
в освещенье, в свете,
в воскрешении цветов
словно бы из мертвых).
Суть весны хотя бы
в том, что на морозе
в первых числах марта
августом не пахнет.
Оттого монахи
меж трудов и службы
слушают по кельям,
словно пенье птичье,
из "Спидол" пластмассовых
о зиме о Пражской
нездешние вести,
рассуждая чинно:
верит в Бога или нет
этот самый Дубчек.

(В том и сила звука,
что его оттенки
вняты нам и в темноте
в отличие от цвета).

5. ДВОЕ

Как и память за забвением,
так обитель за стеною,
за стеною нерушимой,
на которую Баторий
только зарился по-польски,
только блазнился по-пански.

Извне стена крута -
выпускают ворота
только призраки безлики
из монастыря святá.

Безымянной братьи средь
два послушника безликих
мне придут на память впредь.

И один из них - юрод
напоказ псалмы поет,
напоказ же надрывая
в трудах праведных живот.
Звук слышав богохульный
от хохлов-семинаристов,
он ближайшее к ним ухо
крестит, крестит ноздри, рот.
Шупловато, дико молод
и наследственно безлик,
он презрения немного
в братии к себе не зрит.
Он во храме станет так,
чтоб отец заметил всяк -
отвращает благочинный
от него свой взор в сердцах.

А другой послушник некий -
он намеренно безлик -
днем свою скрывает силу
за сноровкою труда
и усердие немое -
за подобием улыбки,
что скользнет, не выдав мысли
и исчезнет без следа
на лице его пустынном,
как бесследная зима.

Он теряется во храме
многолюдстве, но когда
засыпают в келье братья,
он легко и осторожно
поднимается к распятью,
молится почти безмолвно,
но как дневные труды,
слова его упорно
бескорыстны и тверды.

6. ОТЕЦ АЛИПИЙ

Настоятель же отец Алипий
не глядел он полной глубиной
глаз своих, а шурился в пол-силы
и чуть-чуть хитрил, в улыбку пряча
от нелепых нас, от непричастных
страшное, как чудо, прямодушье,
что ему присуще было прямо -
пастырского посоха прямее.

Хороша была его усмешка:
он шутил над нашею мирскою
дурью, как родитель благодущный
над ребячьей шалостью пошутит,
не соря суровостью напрасно,
для себя всю строгость сберегая,
как хозяйка - пищице и ество
в ожиданье Гостя дорогого.

7. АЛЕКСЕЙ

А звонарь-то Алексей-заика
пред своею звонницей воскресной,
как Давид пред скиниею, скачет,
словно он к колоколам привязан,
и на нитках, как марионетка,
дергается, звону повинуюсь,
воздух бьет подрысника крылами
не своей, а Божескою волей.

От великой доброты душевной
заикался он, переполняясь
добрым словом, и нагрянув в горло,
птицею в силках - словечко в связках -
билось, и провещаться стараясь,
Алексей сильнее улыбался
и махал руками, словно птаха,
выше смысла звучного взлетая.

СОДЕРЖАНИЕ

РОССТАНЬ

1.

"У того ли у белого камушка"	4
"Отворись, водица ключевая"	4
"Прояснись, очнись, светлѧ река"	4
"Раздавалась ночка черная"	5
"Избывала мать сына своего"	5
"Как у речки наливные берега"	5
"Улетали гуси со святой со Руси"	6
"Уж как станет весна становиться"	6
"Уж как младость-то речиста"	6
"Пришла зима зимовати"	6
"Снега разливались"	7
"В Божий час, в Господне время"	7
"Бог судья тебе, сине море"	7

2.

"Отчего без горя камень бел-горюч"	8
"Как у красна лета"	8
"Дороженька торным-торна"	8
"Чем молодчик не утешен"	9
"Не от ноченьки черныя"	9
"Отчего ты, река, водой водна?"	9
"Травушка-отравушка"	9
"Выйдет красно солнце"	10
"Молодец удал"	10
"Что же вы, пьяни"	10
"В Полувещкой земле"	11
"Из чего, кукушка"	11

3.

"Катится катучий камушек"	12
"Всяко тело - на костях стоит"	12
"Как сошлись похвала с ругательством"	12
"Как зимою Русь белѧ"	12
"Бог еси на небеси - всяк в заботе на Руси"	13
"Наша дума крѣпка"	13
"Как на чуждой на сторонке"	13
"Не взлюблю я друга первого"	13
"Из-за девок, из-за баб"	14

"Парню - ночка"	14
"Алешенька-доброхот"	14
"Спородилась - не очнулася"	15
"Не на месте береза вырастала"	15
"Уж ты полна, полнь"	15
"Ты, победушка моя"	16
"Спасу нет от зеленá вина"	16
"Ради красного денька"	16
"Не гневитесь, гости званые"	16
"Удова моя, удова"	17
"Как стал мой страх"	17
"Ты забудься - белый день"	17
"Не гонися за два зайца"	17
"Лебеда-лебёдушка"	18
"Под волной - вода"	18
"Кричит петел"	18
"Уж как бóяра, бóяра, бóяре"	18

4.

"Не пали ты камушка"	19
"В земле греческой есть горы те толкучие"	19
"Глядит зима дальше глазу"	19
"Как во русском аде"	20
"Взяли голи"	20
"Нам глаза даны"	20
"То не белы руки притрудились"	20
"Как у нас на Руси"	21
"Как во царствах - цари"	21
"Уж как очи обесслезили"	21
"Самоцветный камень разгорается"	21
"Ни отца с того света, ни матушки"	22
"Дождались мы дива"	22
"Как злодеи"	22
"Во всех землях всё по земну"	23
"Как у солнца белá"	23
"Как восплакал сатана-диавол"	23
"Божья милость - как волна морска"	23
"Волна вóлне отóльется"	24
"Из праха нас сотворяя"	24

5.

"Чем же бел белый камушек"	25
"Матушка пресветла стужа"	25
"Как из лесу - тропиночка"	25
"Во том ли во чистом поле"	25
"От реки ли той от Калки"	26
"Отольется лето"	26
"Как во день поминовения"	26
"Ты не сей моих глаз"	27

"Прежде век породнились"	27
"Во войну ль, в напасть"	27
"Кабы сбылись все проклятыи людские"	27
"Богородица-дэвица"	28
"Как травую обернется люто полымя"	28
"Сила - мера, сила - правда богатырска"	28
"Как и всяка речка льется своим следом"	28
"Знать, случится верное скончанье"	29
"Как на росстани на Божьей"	29

ОХОТА НА ЭХО

"Музыка, ты родилась..."	33
"Пены мхом поросли..."	33
"Вой, мычанье ли..."	33
"Что же неслыханнее..."	33
"Косноязычен огонь..."	33
"Если бы заговорить..."	33
"Мера ударная, как..."	34
"На - с улыбкой прими..."	34
"Маки-калмыки, орда..."	34
"Спустится наземь с небес..."	34
"Голосом смуглым, как плоть..."	34
"Пусть из дальней страны..."	34
"Лай в сведенном лесу..."	34
"Лирики ртуть - не река..."	34
"Современность", ты миф..."	34
"В чрезвычайной стране..."	34
"Яблоко так далеко..."	35
"Ставили, о, Израиль..."	35
"В жизни у каждого есть"	35
"Жизни хватившись, на миг..."	35
"Комнаты, а не страны..."	35
"В связной фразе – увя..."	35
"Женщину видел я раз..."	35
"Что же невежественней..."	35
"Вольный простор – это блеф..."	35
"Есть насажденья, и всё ж..."	35
"Сиро на сорных полях..."	36
"Лично мне не мила..."	36
"Осень пустая, я сквозь..."	36
"Нежилые леса..."	36
"Ты, как беда, никогда..."	36
"Голое яблоко без..."	36
"Ей поцелуй к лицу..."	36
"Все лиловы сердца..."	36
"Холод весною сойдет..."	36
"Яблоко - символ молодой..."	36

"В душу вернувшись свою..."	37
"Лета гнилого исход..."	37
"После смерти само..."	37
"С ними теперь Одиссей..."	37
"Штиль, о чем ты молчишь..."	37
"Если товарищи, то..."	37
"Кольца на близких руках..."	37
"Размышленья ночей..."	37
"В каменном городе коль..."	37
"Все кривее верста..."	38
"Восемь строчек простых..."	38
"Долго мы жили, но ты..."	38
"Падший ангел, хоть пал..."	38
"Прячет созвучья поэт..."	38
"В юном, как день, языке..."	38
"О, концептуализм..."	38
"Капли слиток блестит..."	38
"Корни деревьев нагих..."	38
"Ты меня не найдешь..."	39
"Юбку деве задрав..."	39
"Не осталось ни пня..."	39
"В дружество между друзьями..."	39
"Долго, наморщив чело..."	39
"Память о прошлом бледней..."	39
"Солнца лилового луч..."	39
"Всеу оставив богов..."	39
"Камень, ты молод, как день..."	39
"Камень весел и сыт..."	40
"Даже крапива расти..."	40
"Птицей из клетки златой..."	40
"Много личин лицедей..."	40
"Ночь, мы скатались в себя..."	40
"Вживе нам внятно..."	40
"Более библиотек..."	40
"Бел младенец, как пух..."	40
"В космосе - хаос..."	41
"Моря свод, свод небес..."	41
"Литеры древних молитв..."	41
"Двум народам сродни..."	41
"Вечностью ли отдает..."	41
"Если заимствовал Бог..."	41
"Милость в пустыне растет..."	41
"В ад дорогу мостят..."	41
"Бег среди сочной травы..."	42
"Князем воздушным" не зря..."	42
"Мученик неопалим..."	42
"Бухты Рафин полукруг..."	42
"Гневался, плакал, скорбел..."	42

ИНВЕРСИИ

"То ли дело: среди ночи"	44
"Гол король от веры в перья"	44
"Человек, как волк, обложен"	44
"Мы, как сплетни, пересуды"	45
"Хоть отъявленную явью"	45
"Сообщилось судно течью"	45
"В чем сосудов сообщенье"	45
"Уходите без оглядки"	45
"Звук, я чист перед тобою"	46
"Близ холма, что всем известен"	46
"Было как-то ненароком"	46
"Зренье видит всё заранье"	46
"Кладбище желтее птицы"	47
"Ради боли утоленья"	47
"На людское поголовье"	47
"Выдохся июль. Всё шире"	47
"Отвлекаясь от бумаги"	48
"Не ночами - утром к чаю"	48
"Не запомнил я, казалось"	48
"Годы сменит вдруг година"	48
"Как сквозь землю провалилось"	48
"Ты ушла из жизни. Да, я"	49
"Воробьи. Скворцы. Вороны"	49
"Не склониться мне привычно"	49
"Глухоты лохань"	49
"Сторонитесь душ"	50
"Ночь. Кварталов электрички"	50
"В бурю, в ведро, как младенцев"	50
"Истеричная беспечность"	50
"Лот в Содоме мимоходом"	51
"Сосны в синеве и бельма"	51
"В душной дюне навзничь лягу"	51
"Оттепель теперь - наслышка"	51
"Рос я при социализме"	51
"Пропаганды гной ли, бомбы"	52
"Облик ли, душа ль..."	52
"А на улице-тихоне"	52
"Сердце суть насос из мышц и"	52
"Вопросил приятель в раже"	53
"Свет завесил угасанье"	53
"Но в стране такой ничейной"	53
"Из сторожки душной мы с ней"	53
"Не была, а показалась"	54
"Сгоряча и на крылечко"	54
(Цитата)	54
"Мозг горазд. Душа кривая"	54
"Речи почву под ногами"	54
"Непричастность к речи вязкой"	55

"За грехи себя карая"	55
"Грех судить эгоцентриста"	55
"Пепел влас ли, нос ли, брови ль"	55
"Смолкла семиструнна лира"	56
"Крупноблочен монолитный"	56
"Ты бесследнее тех пеших"	56
"Так из праха в прах..."	56
"Над багровой и огромной"	57
"Праха горсть, часть отчей почвы"	57
"Средь крыловского оркестра"	57
"Изваяние из звука"	57
"От стихов и до оконца"	58
"Под серебряною дранкой"	58
"Зорька в небе беспризорном"	58
"Прячется за косогоры"	58
"Криво в горнице и гнило"	58
"Средовечие не душ, а"	59
"Вы мне на слово не верьте"	59
"Леты мы пойдем по берегу"	59
"Чтоб не унижались горы"	60
"Дуализм любви нагладен"	60
"Произвол окрестных склонов"	60
"У пивных ломают руки"	60
"Печь из мела и из сажки"	60
"Над подвыпившею дачей"	61
"За окном - холмы, холмы и"	61
"Отрешен от мира толщей"	61
"Праха ль гной, зерна полон ли"	61
"Позади Романов, иже"	62
"Женской преданности стансы"	62
"К ноябрю вода в пруду вдруг"	62
"Храм он пуст, но..."	62
"Так о чем же тосковать"	63
"О клише в мышление или"	63
"Расставаться нам"	63
"Вот с известием ужасным"	63
"Между тем, сама"	64

БЕЗДОННЫЙ ЧЕЛН

"Трудолюбивых ангелов крыла"	66
"Непроницаемый"	66
"Остались от восстаний"	66
"В парадов годы пыльные"	67
Натюрморт	67
"А оттепель и впрямь была"	68
"Что-то общее есть у всех"	68
"Мрачные, расчетливые дети"	69
"Им не рано с утра"	69
"Мы дураки - из страны дураков"	69

"Что за шум, а драки нет"	69
"Когда убили одного"	69
"Так деревенеют"	70
"Уж мы резали его"	70
"Людская кровь, людская кровь"	70
"Из леса вышел человек"	71
Bottomless boat	71
Полет	72
"Заводится, как патефон"	76
"Во глубине колодца"	77
"Мы шли сквозь незнакомый лес"	77
"Их призраки из-за кордона"	77
"Но зато всё то, что здесь"	78
Ночлег	78
"Но он еще младенчески кичлив"	82
"Но мы останемся изгоями"	82
"А из этого города"	82
"Зимою близорукой"	82
"Тайком закрою я глаза"	83
"Блудниц ли лица..."	83
"...И не в диковинку во сне нам"	83
"Она бесхитростно одна"	83
"Предательство - род вождельня"	84
"Не ведая, не зная"	84
"Первых встреч предплечья"	84
"Не протянулись нити"	84
"Оно слетело с уст, и"	85
"Я на слове"	85
"Прозрачная маска"	85
"Хотя я неподвижен"	85
"Нет, не стать мне конформистом"	86
"Я не любитель мнений"	86
"Всё к худшему..."	86
"Как она свои стихи читала"	86
"Когда упавшего пророк"	87
"То, что я опоздал к обеду"	87
"Красивые буквы"	87
Акробатический этюд	87
"Знать не знал я лермонтовской скуки"	88
"...И читал-то я за эти годы"	89
Горацио	89
"Расти готическая ель"	89
"Удел летучей мыши"	90
"Побочен белый свет"	90
"Хоть средь безбожнейшей столицы"	90
"На прощанье спой мне"	90
"Без значенья помолчим"	91
"Был воздух млад..."	91
"Гуляет где-нибудь и он"	91
"Кто к людям безоглядно"	91

"На площади - садик"	91
"Нависают веки"	92
"Остается надеяться лишь"	92
"День светал окрест"	92
"Приземисто с утра"	92
"Дачи заколочены"	92
"Кровавая зелень"	93
"Я - дачный, навеки"	93
Ноябрь	93
"Поначалу сходились мы"	94
"Девять дней живет в дому"	94
"...Холодеет матрац"	94
Две эпитафии	
1. "Свет дальновидной звезды мы узрим даже"	95
2. " Днесь наконец поэта-страстотерпца"	95
Две эпитафии	
1. "С трубкой, улыбкой, тростью снова в гетто"	95
2. "Отрок поэзии русской, не крививший"	95
"Пусть память как-нибудь"	95
"Но я пожить еще не прочь"	95
"Уж коли из смерти в мир мы"	96
"В век аббревиатур"	96
"Обладают ли душой"	96

ПРИ СЛИЯНЬИ

"Нет, ни в верстах и ни в часах дорожных"	98
"Во Изборске Старом"	98
"И в Запсковье - закат"	99
"А Великая река"	99
"Тиха Пскова..."	99
"Не слышали, не наслышались"	100
"А Великая река"	100
"Спины и плечи"	100
(Кром. Приказные палаты)	100
"Уж хорош Никола, что от Торга"	101
Часовня "Неугасимая свеча"	101
"Звонница Вознесения"	101
"Купол Спас"	101
"Круг Козьмы и круг Демьяна"	102
"Поминутно ходит солнце средь ветвей"	102
"Как под травами - коренья"	102
"Облака стали плотью"	103
"А у храмов здешних"	103
"А разводы-валики"	103
"А под куполом идет"	103
"Втиснут в ряд с домами"	104
"Было дерево карим"	104
"А каково теням вольготно"	104
"А как они дышат"	105

"Храмы - то набухли"	105
"Дерево - цветений сплав"	105
"Серебрится, яко"	105
"Что же видят издалече"	106
"Есть и люди во Пскове"	106
"Улеглось волнение"	106
"Летом далече до ночки"	107
"После зорьки алой"	107
"Солнце вечное"	107
"Богородица ходила"	108
Из Софийской первой летописи	108
"С той поры, как царь..."	109
"Ищи ветра в поле"	109
"Каждый храм во Пскове"	110
"Ан не вывернуть нам"	110
"Знать, теснее извне..."	110
"Чрез звонницы основу"	110
"Пуста, аки бездна"	111
"Расцвет - он мастера, как сок"	111
"По обету кончане"	111
"Безымянные зодчие"	112
"Из земли они восстали"	112
"У Пароменья в Примостье"	112
"На тесноте замешан"	113
"Пусть проста простота"	113
"Жаль, что с нами не было"	113
"Кабы звезды виделись"	113
"Как во Пскове стоят"	113

Приложение

Псково-Печерский монастырь в марте 1969 года	114
1. Отец Александр	114
2. Мысль	115
3. Питирим	115
4. Март 1969	116
5. Двое	117
6. Отец Алипий	118
7. Алексей	118

Александр Леонидович Величанский

БЕЗДОННЫЙ ЧЕЛН

Стихи

Зав. редакцией *В.И.Грушецкий*

Редактор *В.З.Айзенштат*

Художник *В.М. Радецкий*

Техн. редактор *О.И. Петрищева*

Корректор *Е.Д. Горжевская*

Мл. редактор *М.Ю. Бородина*

Подписано в печать 27.04.90. Л13638. Формат 60х88 1/16.

Бумага офсетная. Печать офсетная. Гарн. Тип "Таймс".

Усл.печ.л. 7,8. Усл.кр.-отт. 8,1. Уч.-изд.л. 7,2.

Тираж 3000. Заказ №656. Цена 2 р. 50 к..

Издательство "Прометей" МГПИ им. В.И.Ленина.

119048, Москва, ул.Усачева, 64.

Оригинал-макет изготовлен на системе Macintosh SE

в СП "Интерквадро". 125130, Москва, 2-й Новоподмосковный пер., 4.

Отпечатано в московской типографии №8

Государственного комитета СССР по печати.

101898, Москва, Хохловский пер., 7.

Цена 2р.50к.

